18+

УЛУКМАН МАМЫТОВ

ЯПОНСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО

Государство, Компании, Люди

Улукман Мамытов

Японское экономическое чудо

«Издательские решения»

Мамытов У.

Японское экономическое чудо / У. Мамытов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-621368-5

Как Япония смогла за двадцать с небольшим лет осуществить мощный экономический рывок, превратившись из разрушенной послевоенной страны во вторую экономику в мире. Какую роль сыграло государство, в чем такая высокая эффективность японских компаний и их объединений, какие качества народа способствовали такому мощному социально-экономическому развитию страны. Обо всем этом и многом другом в настоящей книге, написанной в результате исследований автора в Киотском университете в Японии.

ISBN 978-5-00-621368-5

© Мамытов У.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 6
ЧАСТЬ I. ГОСУДАРСТВО 10
1.1. Япония в эпоху Эдо, 1603—1868 годы 12
1.2. Реставрация Мэйдзи 19
1.2.1. Социально-политический фон 22
1.2.2. Первые реформы 26
1.2.3. Японская экономика в начале XX века 33
1.3. Японское экономическое чудо, 1950—73 годы 37
1.3.1. Локомотивы роста 40
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Японское экономическое чудо

Улукман Эсенбекович Мамытов

© Улукман Эсенбекович Мамытов, 2024

ISBN 978-5-0062-1368-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почему я решил написать про японскую экономику?
Один из ответов в нижеследующей таблице:

	Банк	Страна	Активы
1	Dai-Ichi Kangyo Bank	Япония	352,6
2	Sumitomo Bank	Япония	334,8
3	Fuji Bank	Япония	327,9
4	Mitsubishi Bank	Япония	317,9
5	Sanwa Bank	Япония	307,5
6	Industrial Bank of Japan	Япония	249,6
7	Norinchukin Bank	Япония	215,9
8	Tokai Bank	Япония	213,6
9	Credit Agricole	Франция	210,6
10	Citicorp	США	203,8
11	Mitsubishi Trust	Япония	196,3
12	Banque Nationale	Франция	197,0
13	Mitsui Bank	Япония	196,2
14	Barclays	Англия	189,3
15	Sumitomo Trust	Япония	180,7
16	Credit Lyonnais	Франция	178,9
17	National Westminster Bank	Англия	178,4
18	Mitsui Trust	Япония	173,2
19	Deutsche Bank	ФРГ	171,5
20	Long-Term Credit	Япония	166,9
21	Taiyo Kobe Bank	Япония	166,6
22	Bank of Tokyo	Япония	162,6
23	Yasuda Trust	Япония	147,2
24	Societe Generale	Франция	145,7
25	Daiwa Bank	Япония	144,5

Крупнейшие в мире банки в 1988 году[1]

Как показывает таблица, к концу 1980-х годов, из 25 крупнейших в мире банков 17 были японскими. И это даже не считая японской почтовой системы, в которой предпочитала сберегать свои деньги достаточно крупная часть населения Японии (подробнее в главе 2.3.2 ниже).

[1] По размеру активов, в млрд. долларов США. Источники: Redo, M. и Gebska, M. «Globalization in Growing Financial Markets as a Threat to the Financial Security of the Global Economy». European Research Studies Journal, Volume XXIII, Special Issue 1, 2020. Frantz, D. «Top 8 Banking Firms in Japan». Los Angeles Times, 1989.

Является ли это показателем мощи японской экономики?

Очевидно, что да. Японская экономика – это не просто мощная, а уникальная экономика, у которой очень поучительная история развития.

По итогам Второй мировой войны в 1945 году Япония была в руинах, и будущее страны считалось неопределенным. Однако, бурный рост, начавшийся в 1950 году и продлившийся до 1973 года – период «японского экономического чуда» – заложил настолько мощные темпы развития, что страна к началу 1970-х годов по уровню ВВП стала второй экономикой в мире. Сегодня Япония уступает только США и Китаю, оставаясь третьей в мире экономикой, однако все еще является самой развитой в мире экономикой по индексу экономической комплексности[2] (Economic Complexity Index), а по объему финансовых активов занимает третье место в мире с 12 триллионами долларов США или 8,6% мирового ВВП[3].

Самый пик финансово-экономического развития Японии пришелся на 1980-е годы, когда в результате двадцати лет проведения индустриальной экономической политики страна наладила мощные объемы экспорта своей технологичной продукции за рубеж, заработав на этом колоссальные доходы, а в 1985 году японская йена еще и выросла почти вдвое, сделав страну еще вдвое богаче. Увеличение покупательной способности йены сильно оживило финансовый сектор Японии: Токийская фондовая биржа перетянула к себе почти половину мировой рыночной капитализации[4], а японские банки заняли почти всю первую десятку крупнейших мировых банков (как отмечено выше). Это было время, когда японские автомобили стали вытеснять американские автомобили с американского же рынка, а богатые японские компании начали скупать премиальную недвижимость в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, так напугав американцев, что те начали продвигать в своем Конгрессе законы об ограничении японского бизнеса в США, хотя это не очень соответствовало принципам «свободного рынка», продвигаемым самими же американцами.

Япония смогла выстроить у себя настолько эффективную экономическую систему, что эту систему изучали и пытались воспроизвести у себя Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Китай, Малайзия и другие. Это принесло хорошие результаты, и эти страны смогли впоследствии достичь своих выдающихся экономических результатов, о чем подробно изложили в своем отчете в 1993 году даже аналитики Всемирного банка[5].

Мне удалось не просто удаленно изучать экономику и бизнес Японии, преподавая на бизнес-курсах в Кыргызско-Японском центре человеческого развития в Бишкеке, но даже повезло три года проводить соответствующие исследования в самой Японии. В 2015—18 годах мне выпала возможность обучаться в магистратуре школы управления (Graduate School of Management) Киотского университета – второго по значимости университета страны, по завершению которого была получена степень MBA (мастер делового администрирования). И основным предметом моего исследования как раз и было японское экономическое чудо, а именно факторы, повлиявшие на столь быстрое превращение страны из разрушенной в результате войны во вторую в мире самую развитую экономику капиталистического мира.

Сначала, в результате этих исследований в Киотском университете мною была написана 500-страничная монография «Либерализм – Госкапитализм – Социализм»[6], в которой изложен последовательный ход развития мировой экономики с особым вниманием к событиям после индустриальной революции в Англии в конце XVIII века. В книге также достаточно

---

[2] Observatory of Economic Complexity, сайт oec. world.

[3] Allianz Global Wealth Report, октябрь 2021.

[4] Нью-Йорская фондовая биржа (New-York Stock Exchange) осталась всего с 25%, а за ней шла Осакская биржа, сместившая на четвертое место Лондонскую.

[5] Отчет Всемирного банка «The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy». Worldbank. Oxford University Press, 1993.

[6] Мамытов, У. «Либерализм – Госкапитализм – Социализм. Для тех, кто хочет лучше понять экономику. Бишкек, 2020.

подробно сравниваются британско-американский капитализм с германско-японской его разновидностью, а отличия, оказывается, были довольно существенные, как в методах реализации экономической политики, так и в идеологической экономической парадигме. Тем не менее, указанная книга была посвящена мировой экономике, и Японии удалось посвятить не так много страниц. А так как материалов именно про японскую экономику скопилось довольно много, то было решено собрать их в отдельную книгу, посвятив ее не просто отличиям от традиционной западной экономики (можно сказать, доминирующей американской парадигмы), а подробнее описать те самые факторы, которые и способствовали ускоренному экономическому развитию Японии в 1950-70-е годы.

Вообще, про Японию написано достаточно много, в том числе о причинах ее мощного экономического развития в современный период. Однако, на мой взгляд, недостаточно написано про комплексный характер развития Японии, а именно в сочетании трех факторов: роли государства, роли японских компаний и роли народа. Мне же кажется, что именно в этом, неком социологическом сочетании и заключается особенность японского поступательного экономического развития, и вот об этой связке сведений недостаточно. Практически вся информация в настоящей книге почерпнута из англоязычных источников, в том числе из японских источников, переведенных на английский язык.

Итак, первая часть книги называется «Государство» и посвящена развитию японской экономики с позиций государственного управления. В начале первой части дается немного предыстории: описание социально-экономического развития страны в эпоху Эдо, примерно с начала XVII века и до середины XIX века; затем подробно описываются эпоха Мэйдзи и период до окончания Второй мировой войны. Эпоха Мэйдзи очень интересна первым проявлением японского экономического чуда – в этот период страна совершила мощный экономический прыжок, превратившись из средневекового феодального государства в современную военно-промышленную державу, сравнимую по мощи с развитыми странами Запада начала XX века. В этот период именно государству принадлежала основная роль в построении новой экономики Японии, и именно этот пример был в дальнейшем учтен уже после Второй мировой войны, когда Япония во второй раз совершила свое экономическое чудо и так же, примерно за 20 с небольшим лет.

Вторая часть книги называется «Компании» и посвящена особому феномену индустриальной организации японской экономики – бизнес-группам «кейрецу», а также не менее феноменальной организации взаимодействия между японскими компаниями. Особое внимание уделено структуре кейрецу, феномену «главных банков», а также «универсальным торговым компаниям», о которых мало известно широкой аудитории, а между тем именно они являются одним из важнейших факторов современной экономической мощи Японии. Помимо этого, во второй части книги дается краткая история развития восьми японских компаний: Toyota, Yamaha, Honda, Mitsui, Kikkoman, 7-Eleven, Ina Foods, а также государственного почтового предприятия Japan Post. Особое внимание уделено их методам управления – тоже крайне интересным с точки зрения эффективности и конкурентоспособности японского бизнеса, являющегося непосредственным двигателем японской экономики.

Ну и третья часть книги называется «Люди» и посвящена некому социальному портрету рядового японца. Этот фактор, как подробно раскрывается в этой части книги, является не менее важным, а возможно даже ключевым, определяющим в таком гармоничном социально-экономическом развитии Японии во второй половине XX века. Третья часть книги посвящена трем важнейшим культурным характеристикам японского народа: отношению к своему долгу (перед страной, перед обществом, перед компанией), постоянному стремлению к совершенству, а также коллективизму. Для лучшей иллюстрации описанного в тексте даются ссылки к литературным и кинопроизведениям, а также к некоторым архивным материалам по описываемым тематикам.

Таким образом, настоящая книга посвящена истории того, как Япония смогла построить у себя уникальное общество, где, все три общественных института – государство, компании и люди, удивительно дополняя друг друга, образовали мощнейший симбиоз социально-экономического развития. Где почти не работают постулаты марксизма о том, что частный капитал эксплуатирует трудовой рабочий класс, так как в Японии работники искренне любят своих работодателей и посвящают жизни своим компаниям, а те, в свою очередь, очень заботятся о своих работниках.

И эта книга не просто посвящена Японии и японской экономике. Эта книга написана как инструкция для всех тех, кто задумывается, как развить свое государство. Эффективно и гармонично, реализуя симбиоз общественных и частных институтов. Это книга о трех уровнях развития страны: о государстве, о компаниях и об обществе.

Улукман Мамытов, 2023 г.

ЧАСТЬ I. ГОСУДАРСТВО

Вероятно, самой главной причиной стремительного социально-экономического и технологического развития Японии как в эпоху Мэйдзи (после 1868 года), так и в послевоенные годы (1950-70-е годы) является государство и особая позиция по отношению к своему государству японских чиновников, которые всегда играли важную роль в этой стране.

Саморегулирование общества, безусловно, тоже было очень важным. В Японии, как нигде больше, саморегулирование общества, в силу культурных особенностей нации, всегда находилось на очень высоком уровне. Однако именно государство, с его бюрократическим административным аппаратом, смогло ускорить процессы развития и придать им системный управляемый характер. Именно государственники-управленцы смогли своевременно понять важность ускоренной модернизации и технологизации своей страны, смогли заложить основы для быстрого социально-экономического развития Японии через выработанную ими национальную систему политической экономии.

Национальная система политической экономии – это особый термин, который вбирает в себя как теоретические экономические знания, так и знания в области политологии, философии, социологии. Это основа формирования национальной идеологии государства; это фундамент, который объединяет все общество страны и указывает единое направление движения, единое направление развития. А единство общества и следование единому замыслу в своем развитии являются факторами ускорения – факторами, позволяющими осуществить мощный экономический рывок на основе модернизации и технологизации страны. Именно такая политэкономическая система и стала главным фактором стремительного развития Японии в эпоху Мэйдзи, когда страна буквально за два-три десятилетия смогла ускоренно перейти от феодализма к капитализму, от средневекового хозяйственного уклада до мощной промышленной державы, сравнимой с развитыми странами того времени. И определили эту политэкономическую систему для Японии государственники – чиновники и бюрократы, которые учились у Запада и хотели перенять его лучшие идеи для развития своей страны, адаптировать их под свои традиционные и культурные устои.

Национальная система политической экономии – это особый термин, позаимствованный с названия книги немецкого экономиста и политика XIX века Фридриха Листа[7], в которой он сравнил особенности экономического развития Великобритании и других стран, а также оспорил концепцию свободной торговли Адама Смита и Давида Рикардо, как негодную для медленно развивающихся, отстающих стран. Национальная система Листа впоследствии сыграла важную роль в формировании мощной экономической системы новой объединившейся в 1871 году Германии и позволила ей быстро догнать в своем экономическом развитии Великобританию и даже начать обгонять ее к концу XIX века.

Как известно, Великобритания первой осуществила у себя промышленную революцию во второй половине XVIII века, заложив начало эпохи классического капитализма. Начала развиваться фабричная система, основанная на паровых двигателях. Пошло массовое производство текстильной продукции, которое обрушило цены, и британская продукция легкой промышленности стала первым в мире примером массового технологического производства, с помощью которого Великобритания начала «меркантилистское» завоевание рынков зарубежных стран, продвигая вместе с этим потом политику открытого «свободного рынка». Наполеоновская Франция еще со времен Кольбера пыталась защищать свой рынок, а один из отцов-основателей США Александр Гамильтон даже выработал свой комплекс протекционистских

[7] Лист, Ф. Национальная система политической экономии. 1841.

реформ против экономической экспансии промышленно усилившейся Великобритании[8]. Для того, чтобы Франция, США и другие страны в конце XVIII века тоже могли развить у себя технологическое промышленное производство, сначала они должны были защитить свои рынки и взрастить собственных производителей. Именно эту идею и продвигал немецкий экономист Фридрих Лист, развив на ее основе концепцию закрытого таможенного союза *Zollverein* для развивающейся Германии, которая тоже пыталась реализовать свою модель индустриализации, но уже в ускоренном режиме.

Японские государственники-управленцы позаимствовали именно эту германскую политэкономическую систему как наиболее подходящую в тот момент развития своей страны. Японские лидеры эпохи Мэйдзи определили, что именно государство должно сыграть главную роль в создании новой экономики страны: в ускоренном развитии новых отраслей промышленности, в импорте новых западных технологий, во взращивании новых производственных и других предприятий, в создании новой финансовой системы для стимулирования экономики, а также во взращивании управленцев новой экономики Японии.

Примерно все то же самое впоследствии было проделано и в послевоенные годы – все та же национальная политэкономическая система как базис развития страны, все та же роль государственников-управленцев, почти все те же государствоцентричные методы. Однако предпосылки этой национальной системы были заложены еще в предыдущую историческую эпоху – эпоху Эдо.

[8] Мамытов, 2020.

1.1. Япония в эпоху Эдо, 1603—1868 годы

Эпоха Эдо (*Эдо дзидай*) началась в 1603 году с захватом фактической власти в Японии Иэясу Токугавой и длилась до 1868 года, когда последний сёгун этого клана Йошинобу Токугава сложил с себя полномочия и передал (возвратил) власть императорской династии. Иэясу Токугава стал первым сёгуном, то есть военным правителем Японии, сосредоточившим всю фактическую верховную власть в своих руках, в то время, как император оставался лишь формальным главой нации.

Сёгунату Токугава предшествовал долгий период междоусобных войн – «эпоха воюющих государств» (*сенгоку дзидай*), когда страна была разделена на множество небольших княжеств, постоянно враждующих между собой за сферы влияния.

Карта Японии в эпоху воюющих государств[9]

В результате многочисленных междоусобиц образовались две коалиции – Восточная во главе с Токугавой и Западная во главе с Ишидой, решающее столкновение между которыми в битве при Сэкигахаре в 1600 году определило победителя – клан Токугава, который объединил страну и правил ею в течение почти 250 лет. Наступил мир, а вместе с ним и эпоха спокойствия и расцвета культуры и экономики.

Однако экономика Японии в период Эдо развивалась не в открытом для всего мира режиме. Этот период известен в истории как эпоха самоизоляции страны (*сакоку*), когда сёгунат принял решение закрыть Японию от влияния внешнего мира. До этого в стране стало усиливаться влияние христианства, которое пришло вместе с португальскими торговцами и сопровождавшими их иезуитами, которые стали активно проповедовать католичество среди японцев в конце XVI века. Этот эпизод хорошо проиллюстрирован в известном голливудском мини-сериале «Сёгун»[10]. В фильме показано, как в начале XVII века португальские торговцы и священники стремились распространить свою христианскую идеологию среди японцев, и это стало превращаться в глазах японских правителей в угрозу национальным интересам и традиционным ценностям страны.

[9] Изображение с сайта об истории Японии thesengokuarchives.com.

[10] «Shogun» – мини-сериал 1980 года, снятый по одноименному роману Джеймса Клавелла, режиссер Джерри Лондон.

В конце концов, во второй половине 1630-х годов сёгунат принял решение изгнать всех португальцев, а для торговли с внешним миром оставить единственно открытым порт Дедзима в городе Нагасаки. Интересно, что голландцам, в отличие от португальцев, разрешили вести торговлю, так как голландцы-протестанты, по мнению японцев, были «ненастоящими» христианами – они пообещали не проповедовать свою религию среди японцев, их интересовала исключительно торговля.

Таким образом, после долгих изнурительных войн в Японии воцарился мир, который способствовал развитию культуры и экономики, однако в закрытом режиме. Национальная идеология стала носить сильно консервативный характер. Вместо активного развития торговли с внешним миром и обмена знаниями японская элита решила не подвергать страну «тлетворному влиянию Запада», а сделала ставку пусть на медленное, но зато «стабильное и статичное» внутреннее развитие[11].

Здесь можно провести параллель с Китаем, который двумя столетиями ранее так же перешел к сильно консервативной политике, отвергнув ранее достигнутые успехи в технологическом развитии.

Так, в начале XV века при императоре Чжу Ди из династии Мин Китай был мощнейшей в мире морской державой. Его крупнейшие 9-мачтовые корабли в десяток раз превосходили по размерам лучшие в то время испанские каравеллы, и количество таких кораблей только в одном морском походе могло доходить до шестидесяти. С таким мощным флотом известный в истории Китая адмирал Чжен Хэ совершил множество путешествий от юго-восточных островов Азии до побережья Африки, демонстрируя разным народам технологическую развитость и мощь Китая. Однако внезапная смерть императора Чжу Ди и воцарение на его место императора Чжу Гаочжи, который попал под сильное влияние своих конфуцианских советников, полностью изменили идеологию Китая с прогрессивной на консервативную. Конфуцианские идеологи убедили нового императора отречься от активных контактов с «варварами» и больше сосредоточиться на «оберегании устоев прошлого», на умеренности и внутренней стабильности[12].

В этой связи стоит отметить, что китайское влияние исторически всегда было очень велико в Японии, и особенно в средневековый период. Неудивительно, что и конфуцианская консервативная идеология сыграла свою роль в решении японских властей о самоизоляции. Схожими в обоих случаях были и угрозы национальной самоидентичности, и стремление обеих элит сосредоточиться на внутреннем «статичном» развитии (если это и было развитием), не предполагая, что этот шаг мог привести к застою и отставанию в сравнении с внешним миром.

Однако, если решение Китая было продиктовано уже достигнутым технологическим и экономическим превосходством над всеми известными в то время народами, то японские правители вполне могли чувствовать определенное превосходство европейцев. В том же вышеупомянутом фильме «Сёгун» хорошо показано, что японские князья (*даймё*) с опаской смотрели на европейские корабли, пушки и ружья, которые обладали существенным преимуществом по сравнению с японским оружием. Тем не менее, сёгунат Токугава принял решение самоизолироваться.

С другой же стороны, по мнению профессора Китаоки Шиничи, определенное чувство превосходства над соседями у японцев в тот момент все же было. Согласно его сведениям, к началу эпохи Эдо японские корабли активно бороздили морские просторы юго-восточной Азии, а количество огнестрельных ружей в Японии было, вероятно, больше, чем где-либо

[11] Morris-Suzuki, T. A History of Japanese Economic Thought. Routledge, 1989. С. 7.

[12] Мамытов, 2020. С. 56.

еще[13], включая европейские страны, что делало Японию крупнейшей в мире на тот момент военной державой[14].

Такая популярность огнестрельных ружей (*танэгасима* и *тэппо*) в то время в Японии объяснялась тем, что одной из самых своих решающих побед сёгун Токугава был обязан именно массовому применению ружей, которое решило исход очень важного сражения, достигнутого при преобладающем противнике. Эта битва, известная как «битва при Нагасино», состоялась в 1575 году между объединенным войском Иэясу Токугавы и Нобунаги Оды с одной стороны и кланом Шингена Такеды с другой стороны. Войско Такеды обладало преимуществом, так как его армия была хорошо известна своей непревзойденной конницей, способной нанести стремительный удар в решающий момент битвы. Однако на этот раз союзные войска Токугавы и Оды учли это и подготовились: они заранее заготовили большие деревянные ограждения, через которые конница уже не могла пробиться, а также вывели на поле боя, по историческим данным, около десяти тысяч стрелков, вооруженных ружьями тэппо. Эти ружья и решили исход битвы при Нагасино. Кавалерия Такеды была расстреляна издалека, а такое массовое применение огнестрельного оружия еще и имело мощный психологический эффект, нивелируя традиционную силу самураев в ближнем бою.

Таким образом, к началу периода самоизоляции сёгунат Токугава уже не просто знал о новых европейских огнестрельных технологиях, а даже обладал, вероятно, самым большим в мире количеством таких ружей. Тем не менее, японцы приняли решение о самоизоляции, и экономика страны стала развиваться своим путем.

Экономика в период Эдо

Общество в средневековой Японии делилось на четыре сословия: самураи-воины, крестьяне, ремесленники и торговцы.

Самураи-воины составляли верхнее и самое привилегированное сословие. У них были почти безграничные полномочия по отношению к другим сословиям, вплоть до того, что самураи могли легко наказать и лишить жизни любого крестьянина, ремесленника или торговца в случае проявления, например, малейшего неуважения к самураю.

Основным предназначением самураев было служение – служение своему князю даймё и своему клану. Самурай посвящал всю свою жизнь долгу служения, он должен был быть всегда готовым умереть за жизнь своего даймё, умереть за честь клана. Однако, помимо воинских обязанностей самураи нередко выполняли и административные функции, управляя хозяйством клана и ведя его учет. Самураи были хорошо образованы и грамотны, интересовались литературой и поэзией. И самураи как раз были главными в обществе проводниками традиционных консервативных ценностей, противопоставляя свои воинские традиции чести и долга идеологии материального обогащения через спекулятивную торговлю и коммерцию.

Самураи были, прежде всего, воинами, которые всегда должны были быть готовыми умереть за свой воинский долг. Поэтому материальные ценности и стремление к материальному обогащению демонстративно презирались самураями, считавшими таковые низменными категориями, недостойными внимания воинов – элиты общества. Именно поэтому торговцы, чьим смыслом жизни была просто спекулятивная торговля, относились самураями к самому низшему, можно сказать презираемому сословию. Например, даже крестьяне и ремесленники стояли, по мнению самураев, в иерархической лестнице гораздо выше торговцев, так как несли пользу созидания обществу. Торговцы же традиционно считались спекулянтами, которые наживаются за счет чужого труда и не несут созидательной пользы для общества.

---

[13] Произведенных по европейским образцам.

[14] Shinichi K. «Meiji Revolution: Start of Full-Scale Modernization». Chapter 1. В видео-серии Agency for International Cooperation, Open University of Japan. Seven Chapters of Japanese Modernization. JICA-DSP, 2019.

Крестьяне, что интересно, заслуживали больше уважения, чем ремесленники, потому что производили продовольствие и прежде всего рис. А рис в средневековой Японии был не просто обычным сельскохозяйственным продуктом – рис, фактически, был основой средневековой японской экономики. Рисом платили заработную плату самураям, рисом оплачивали налоги, в рисе измеряли богатство княжеств – чем больше в регионе выращивали риса, тем важнее было значение такого региона в глазах правителя. Рис являлся мерой стоимости.

Заработные платы самураев, как часто показывают в фильмах о средневековой Японии, измерялись определенными объемами риса – *коку*, который примерно составлял 150 килограммов (или объем около 180 литров). Один коку примерно соответствовал количеству риса, которым можно было прокормить одного человека в течение одного года. У разных самураев, в завимости от их социального статуса, жалованье могло составлять и всего сотню коку риса в год, и несколько тысяч коку. Соответственно, чем больше коку риса получал самурай за свою службу, тем он был богаче и мог лучше содержать свою семью. Излишек риса самураи могли обменять на иные нужные им товары, так как рис был важной мерой экономической стоимости в средневековой Японии.

Еще одним показателем того, какую важную экономическую роль в Японии играл рис, являются средневековые рисовые биржи. Рис был настолько важным сырьем, что уже в 1697 году в Осаке образовалась крупнейшая в стране рисовая биржа «Додзима», где каждый день продавались и покупались большие объемы риса. Причем, если это был не сезон, то купля-продажа шла при помощи форвардных и даже фьючерсных контрактов[15]. Форвардные контракты предусматривали стандартную физическую доставку риса, а фьючерсные больше играли роль ценных бумаг, являясь средством обмена. Японские фьючерсные контракты на рис представляли собой один из первых в мировой истории случаев использования ценных бумаг, фактически играя роль денег. Доставка риса, конечно же, потом имела место, однако перед этим участники рынка могли активно обмениваться этими ценными бумагами между собой, которые переходили из рук в руки по нескольку раз.

Развитие товарно-финансовых отношений вокруг риса способствовало возникновению первых финансовых брокеров и бирж в Японии еще в XVII веке, подобно первым лондонским биржам и примерно в этот же период. Крупные из них впоследствии стали крупными торговыми домами, например Mitsui, а затем и крупными торговыми компаниями.

[15] Schaede, U. «Forwards and Futures in Tokugawa-period Japan: A New Perspective on the Dojima Rice Market». Journal of Banking and Finance, 1989: 13, C. 487.

Картина «Рисовая биржа Додзима» известного средневекового художника Хирошиге (1797—1858). Хранится в Осакской библиотеке Наканошима

В рисе измерялись не только заработные платы самураев. Рисом также оплачивались, например, налоги в пользу местных феодалов. И рисом же измерялось богатство земельного надела, которым сёгун мог одарить своих лучших и преданных ему князей кланов – *даймё*, а эти даймё в свою очередь своих лучших и преданных самураев. Все самые богатые даймё в тот период имели свои склады в Осаке (которая тогда считалась главным торговым центром Японии), куда свозили рис со своих земель для торговли на бирже. В 1730 году в Осаке насчитывалось 124 таких крупных склада[16].

Таким образом, рис в средневековой Японии играл важную не только продовольственную, но и финансово-экономическую роль. А выращивали рис, соотвественно, крестьяне, которые в тот период составляли примерно 87% от общего населения Японии в 30 миллионов человек[17].

Несмотря на страновую ограниченность, рост коммерции и развитие торговой экономики стимулировали развитие городов. Так, население столицы Эдо во второй половине XVIII века могло доходить до 1,4 миллионов человек, что делало этот город крупнейшим в мире[18]. Концентрация же в городе населения и коммерции стимулировали разделение труда и появление множества новых профессий и ремесленных отраслей, в том числе появление театров и прочих элементов культурной жизни.

Развитие экономики стало стимулировать еще большее потребление, и постепенно это стало порождать социальный конфликт – традиционные консервативные устои диктовали умеренность в материальных ценностях, однако жизнь в городах привносила свои реалии. Рост потребления только еще больше стимулировал тягу общества к материальным ценностям. Стала возникать парадоксальная ситуация: гордые и презирающие деньги самураи беднели, в то время как низшее сословие спекулянтов-торговцев богатело на глазах, получая все больше

[16] Schaede, 1989.

[17] Там же.

[18] Morris-Suzuki, 1989. С. 8.

ресурсов и влияния в обществе. При этом самураи все так же имели превосходство, но уже не могли так легко и безнаказанно лишать жизни торговцев – эта профессия постепенно стала получать все больше оправдания в обществе – коммерция и занятие хозяйственными вопросами постепенно стали не таким уж и бесполезным для общества делом.

Наоборот, на фоне мирной жизни больше свою бесполезность стали чувствовать самураи, во многом оставшиеся не у дел. Стало увеличиваться количество бродячих самураев «*ронинов*», – самураев без своего господина, без клана, без своего княжества. Множество самураев стало искать себе новую работу, а некоторые даже разочаровывались в жизни и опускались, становясь бродягами и пьяницами. На эту тему можно найти множество художественных фильмов про самураев, самой известной из которых является знаменитая кинокартина режиссера Акиры Куросавы «Семь самураев» (1954), в которой показано, как семеро безработных самураев согласились защищать деревню от разбойников просто за еду, так как у нанявших их крестьян денег на оплату попросту не было. Еще одним знаменитым произведением на эту тему является книга Дзиро Осараги «Ронины из Ако, или повесть о сорока семи верных вассалах», которая получила всемирную известность благодаря нескольким экранизациям с названием «47 ронинов». Роман описывает как целый клан, несколько десятков самураев, потеряли своего господина-даймё и превратились в ронинов, многие из которых либо сменили работу, либо вообще опустились, превратившись в пьяниц[19].

Между тем, хотя в этот период Гэнроку (1688—1704) самурайское сословие и стало испытывать кризис, тем не менее, расцвет культуры и искусства стимулировал появление множества новых произведений наоборот восхваляющих самурайские традиции, романтизирующих образ благородного самурая. Именно в эти годы в реальности произошло событие, описанное в «Ронинах из Ако», когда самураи выполнили свою долг согласно духу бусидо, восстановили свою честь, а потом все вместе совершили обряд ритуального самоубийства. Это событие настолько прославило культ самурайства – традиции воинского кодекса бусидо, долга, чести и самопожертвования, что в стране стали очень популярны новые школы боевых искусств, появилось множество новых произведений и трактатов о воинских искусствах, одним из которых стало известное руководство воина «Хагакурэ», популярное до сих пор.

Однако расцвет культуры и искусства затронул не только традиции самурайства. Развитие печатного дела стимулировало распространение трудов как конфуцианских классиков, так и новых философов и писателей, начавших писать обо всем, начиная от сельского хозяйства и заканчивая инструкциями по этикету. И подобно развитию протестантизма и Просвещения почти в этот же период в Европе, которые позволили европейцам уже по-другому смотреть на спекулятивную торговлю и банковское ростовщичество[20], эпоха Гэнроку сыграла схожую роль и в Японии. В этот период получает развитие культура ремесленников и торговцев, появляется новая философия и экономическая мысль, не просто оправдывающие спекулятивную торговлю и ростовщичество, а даже придающие им позитивную для общества роль, полезность для общества.

Одним из самых известных таких мыслителей был Байган Ишида, который писал:

> *«Воины, крестьяне, ремесленники и торговцы – все в одинаковой мере способствуют управлению страной. Никого нельзя обделять… Самураи служат власти, крестьяне служат полю, а ремесленники и торговцы служат городу… Ремесленники получают вознаграждение за свой труд так же, как и крестьяне получают вознаграждение за свой от самураев. Без тяжелого труда всех этих людей нации не выжить. Вознаграждение же торговцев такое же, как и у всех других. Если кто-то скажет торговцу, что его*

[19] Подробнее об этих произведениях в главе 3.1 ниже.

[20] Мамытов, 2020. С. 44—46.

прибыль – это знак алчности и отход от праведного пути, то этим он может разрушить всю структуру. Почему только торговцев обвиняют в низменной погоне за наживой?»[21]

Современные историки считают, что труды Байгана Ишиды сыграли важную роль в создании в Японии того времени новой атмосферы, сравнимой с европейским протестантизмом, что они способствовали развитию новой мысли о модернизации и рационализации общества. Конечно, сравнивая вознаграждение самураев и торговцев за свои труды, Байган не заострял внимания на том, что у самураев фиксированное вознаграждение, а у торговцев может быть безграничная прибыль, однако он писал о честности в предпринимательстве – «*shojiki*».

Байган писал, что торговцы могут получать прибыль, покупая дешево и продавая дорого, однако это не должно быть сверхприбылью, которая будет идти в ущерб интересам крестьян и ремесленников.

«Цены не должны отличаться от рыночных… Если же кто-то из торговцев захочет выделиться в своей прибыли, то это затруднит все вокруг. Это истина. Если мы не будем считаться с этой истиной, то торговля и коммерция перестанут работать. Потребители перестанут покупать, а продавцы перестанут продавать. И тогда торговцы потеряют средства к существованию».

Таким образом, описывая рыночные механизмы, Байган подчеркивал, что нечестность торговца разрушительна и подобна «сладкому яду», от которого он сам же в конце концов и умрет. «Просветленные» же торговцы наоборот – обогащают всю нацию и получают честную прибыль, таким образом, играя важную роль в обществе[22].

В качестве иллюстрации можно привести кодекс торгового дома «Митсуи» 1722 года, который гласил:

«Люди на общественной работе обычно не богатые… Не забывайте, что вы торговцы! Долгом каждого человека является вера в Будду и следование учениям Конфуция. Не хорошо впадать в крайности. Все те, кто неумеренны в соответствии с религией, никогда не будут успешными в торговле. Они склонны рисковать своим делом и подвести свой дом к разрушению»[23].

Эти идеи стали все больше распространяться, способствуя развитию средних и крупных торговых домов, и к середине XIX века японское общество было подготовлено к экономической революции – наступлению классического капитализма и индустриализации Японии, осуществленных в результате Реставрации Мэйдзи.

[21] Morris-Suzuki, 1989. C. 24.

[22] Morris-Suzuki, 1989. C. 25.

[23] Morris-Suzuki, 1989. C. 23.

1.2. Реставрация Мэйдзи

Эпохой Мэйдзи (*Мэйдзи дзидай*) в истории Японии считается период с 1868 по 1912 годы, который связан со временем правления императора Муцухито, получившего впоследствии имя «Мэйдзи», означающее с японского «просвещенное правление». Реставрация же означает, что верховная власть в стране снова возвратилась от сёгуна к императору – произошла буржуазная революция и «восстановление просвещенного правления» в Японии.

Предпосылки

Эпоха Мэйдзи в истории ассоциируется с завершением периода самоизоляции Японии и открытием страны для торговли с миром.

Впервые, еще в 1853 году американский флот под командованием командора Перри приблизился к берегам Токийского залива и, под угрозой пушечного обстрела столицы Эдо (Токио), начал требовать от японцев заключения торгового соглашения. Этот эпизод, а также повторный визит американского флота на следующий год вынудили японцев согласиться на американские условия, что обусловило начало новой эры для Японии, сопряженной с новыми вызовами и угрозой стать очередной колонией для стран Запада, как это уже произошло с Китаем.

Как известно, в результате двух Опиумных войн, завершившихся в 1842 году, Британская империя таким же образом «вскрыла» Китай, который в результате доминирования конфуцианской идеологии консерватизма (как было описано выше) сильно отстал в своем экономическом и технологическом развитии от стран Запада. Британия отобрала у Китая Гонконг, а также навязала ему ряд соглашений, в соответствии с которыми получила особые права для торговли, и, в частности, возможность сбывать населению Китая огромные количества опиума. Этот период в истории Китая получил название «ста лет унижений», сотни лет пока не победили коммунисты Мао Цзэдуна и не стали восстанавливать страну.

Подобная участь очень страшила Японию, и некоторые японские лидеры начали всерьез задумываться, как не допустить такого и соответствующим образом подготовиться к приходу западных колонизаторов.

Одним из первых таких японских лидеров стал Нариакира Шимадзу, даймё клана Шимадзу в провинции Сатсума, находящейся в самой южной части Японии. Нариакира получил в детстве хорошее аристократическое образование и считался одним из самых мудрых и прогрессивных даймё своего времени. И именно он сыграл важную роль в подготовке своей страны к новой эпохе.

Как это и было принято в эпоху Эдо, правители княжеств были обязаны определенную часть года держать свои семьи рядом с сёгуном в столице, что гарантировало его контроль над ними. И Нариакира Шимадзу много времени в детстве провел в столице Эдо, получая культурное, экономическое и военное образование на основе, в том числе, и европейских книг. Уже с детства он стал проявлять большой интерес к «голландским знаниям» – *Rangaku*, то есть системе знаний стран Запада, доступных через торговлю с голландцами в порту Нагасаки, который был единственным «окном», открытым для торговли с внешним миром. Нариакира часто с интересом изучал коллекцию своего дедушки из европейских часов, музыкальных инструментов, телескопов, микроскопов и различного оружия. Он смог постичь римский алфавит и часто писал японские слова римскими буквами, таким образом, выработав собственную систему шифрования сообщений. Впоследствии под его инициативой впервые на японский

язык были переведены книги по кораблестроению, паровым двигателям, телеграфу и другим европейским знаниям[24].

Став даймё в 1851 году, Нариакира Шимадзу в первую очередь занялся вопросами развития торговли и военного дела. Он хорошо понимал, как британцы получили свои торговые привилегии в Китае, и уже считал первостепенной задачей повышение обороноспособности своего клана, для чего необходимо было развивать и экономику.

Стоит отметить, что сильное влияние на Шимадзу в свое время оказали книги известного исследователя западных знаний Такано Чоея (1804—50), который писал, что Японии необходимо надлежащим образом подготовиться к появлению европейцев. Он писал, что этого не избежать – они уже приходили раньше и придут еще. Что британцы смогли легко покорить богатый Китай благодаря своему мощному вооружению, и китайцы так ничего и не смогли им противопоставить. Кроме того, европейцы покорили множество других слабых туземных народов, чья мощь и вооружение не могли сравниться с европейскими. Из этого Такано Чоей заключал, что японцам необходимо построить такую же сильную экономику и сформировать такую же сильную армию, а для этого необходимо заканчивать с самоизоляцией и переходить к активной торговле, как это практиковали европейцы. Приводя в пример голландцев и англичан, Чоей писал, что именно торговля создает богатство, а богатство создает могущество. Необходимо было ставить прагматичные цели и думать стратегическими экономическими категориями[25].

Нариакира правильно воспринял советы Такано Чоея и стал думать об экономике и технологиях. Если маленькие Голландия и Англия стали такими богатыми и могущественными странами, то почему таковой не может стать Япония, размышлял он. Для того чтобы повысить военную мощь нужны были технологии и технологические знания, и Нариакира задумал постройку технологического экспериментального комплекса в заливе Кагосима в 1852 году. Уже в 1854 году его заводик смог выплавить свою первую экспериментальную пушку. Постепенно количество занятых на его фабрике «Шусейкан» достигло 1300 человек, которые развивали сразу несколько направлений технологических разработок: экспериментировали с металлургией, делали оружие, ставили химические опыты, выдували стекло и занимались прочими экспериментами[26].

Таким образом, Нариакира Шимадзу начал действовать сам, готовить свой клан к столкновению с Западом, с огромным энтузиазмом стимулируя своих людей постигать новые знания и технологии. Для этого он использовал свои книги, многие из которых были переведенными с голландского языка. Конечно, в процессе экспериментов неудач было много, однако он считал, что метод проб и ошибок – самый надежный для получения опыта. И его энтузиазм стал передаваться его последователям.

Самое важное, что удалось сделать Нариакире, это взрастить несколько своих учеников-последователей из числа самураев клана. Он отбирал наиболее способных самураев независимо от их происхождения и отправлял их в Эдо, Нагасаки и Осаку учиться. Он часто собирал своих самураев и лично проводил занятия, передавая им свои знания и свои убеждения. И именно его ученики-самураи впоследствии сыграли важную роль в будущем реформировании Японии в эпоху Мэйдзи. Среди его учеников были такие известные будущие политические деятели, как Сайго Такамори (1827—1877) и Окубо Тошимичи (1830—1878), ставшие непосредственными лидерами нового правительства Мэйдзи; Матсуката Масайоши (1835—1924) – министр финансов и создатель банковско-финансовой системы Японии; Годай Томоатсу (1835

[24] Sagers J. Origins of Japanese Wealth and Power: Reconciling Confucianism and Capitalism, 1830 – 1885. New York: Palgrave Macmillan, 2006.

[25] Sagers, 2006.

[26] Там же.

—1885) – общественный деятель, сыгравший важную роль в построении современной на тот момент японской промышленной среды, а также другие деятели.

Нариакира Шимадзу умер рано, но он был ярким лидером с правильным видением образа будущего Японии. Он смог заглянуть за пределы своей небольшой провинции и увидеть общемировые тенденции, что позволило ему сделать правильные выводы о необходимости в этих условиях новой стратегии для его страны. Под управлением Нариакиры его клан Сатсума стал лидером экономического развития в Японии, что способствовало также и продвижению в военном деле. По сути, он заложил основу для развития индустриальной политики своей страны, которую потом использовали его самураи. И самое главное, – он взрастил учеников, которые потом продолжили его дело, которые получили от него видение и энтузиазм к реформированию и модернизации Японии[27].

[27] Мамытов У. Э. Внешние факторы ускоренной модернизации Японии в конце XIX века. Журнал «Евразийская интеграция: экономика, право, политика». 2022; 16 (2): С. 77—83.

1.2.1. Социально-политический фон

После того, как произошла Реставрация Мэйдзи в 1868 году силами кланов Сатсума (последователей Нариакиры Шимадзу) и Чошу, в Японии воцарилось временное правительство, которое возглавил триумвират Окубо Тошимичи, Сайго Такамори (оба из Сатсума) и Кидо Такайоши (из Чошу). Верховная власть снова возвратилась к императору Японии, а сёгун Йошинобу Токугава (15-й сёгун династии) был низложен и лишен своих прежних полномочий.

Однако в этот момент сложилась парадоксальная ситуация. Большая часть даймё – князей японских провинций, прежде давших присягу о вечной службе сёгуну Токугава, вместе со своими кланами оказались перед сложной дилеммой. С одной стороны они должны были до смерти служить своему господину – сёгуну Токугава, что бы с ним не произошло, с другой же стороны все признавали императора как верховного правителя страны, обладающего божественной природой своей власти. Отдельная группа самураев «Шинсенгуми» даже выразила протест и взялась за оружие в защиту сёгуната. Они официально признавали власть императора, но их самурайский долг вынуждал их следовать присяге и защищать своего господина, даже ценой своей смерти. То есть они осознанно и специально шли на смерть, выполняя свой долг и полагая, что только она станет достойным избавлением от этого морального для них конфликта. Этот эпизод очень хорошо проиллюстрирован в фильме «Mibu Gishi Den»[28], снятом на основе реальных исторических событий.

Примерно об этом же, но больше с голливудских позиций был снят в том же 2003 году фильм «Последний самурай» с Томом Крузом в главной роли, где некий восставший клан самураев, свято соблюдавший воинский кодекс бусидо, так же стал воевать против официальной императорской армии. Что любопытно, Голливуд показал восставших самураев, стремящихся к сохранению своих традиций, как очень позитивных и романтичных героев на фоне негативно показанных сторонников модернизации Японии, которые якобы хотели предать ее интересы. При этом, как показывает история, если бы эти сторонники модернизации не победили, то Япония со своими самураями повторила бы путь униженного Китая и других слабых туземных народов. Американский фильм не раскрыл угрозу стране со стороны западных колониальных держав, а лишь зрелищно и по-голливудски противопоставил сторонников красивых самурайских традиций неким чуждым для нации интересам.

Однако, возвращаясь к реформаторам Мэйдзи. Новое правительство прагматично определило своей целью ускоренное военно-экономическое развитие своей страны, так необходимое для самообороны от угрожающих западных держав.

Одним из первых, кто лучше всего понял истоки могущества западных стран, стал самурай (а позднее писатель и философ) Юкичи Фукудзава (1835—1901), который совершил путешествие в США, а затем и в Европу в составе официальных делегаций еще в период сёгуната в 1859 и 1862 годах. В результате своих путешествий Фукудзава написал несколько книг и стал считаться одним из главных экспертов новой Японии по западной цивилизации. Он подробно описал свои путешествия и изложил свое видение, почему Запад стал таким могущественным, особо подчеркивая значение новых знаний и новых наук. В своей книге «Призыв к знанию», он особо выделил необходимость контактов с западной цивилизацией для того, чтобы максимально научиться у нее для скорейшей самостоятельной модернизации самой Японии. При этом, однако, Фукудзава особо повторял и о важности сохранения собственной культуры

[28] В русском переводе фильм называется «Последний меч самурая» (2003), режиссер Йоджиро Такита. Подробнее об этом в главе 3.1 ниже.

и традиционных ценностей, считая знакомство с западной культурой временной мерой[29]. Всю оставшуюся жизнь Юкичи Фукудзава посвятил образованию и обучению других, считая, что стремление к знаниям должно стать важнейшей целью для новой Японии. Сегодня именно его портрет украшает купюру в 10 тысяч йен.

Наставления Фукудзавы не прошли даром, и одной из первых задач Правительства Мэйдзи был определен всеобщий и системный поиск новых знаний и технологий по всему миру. Новым правительством была принята «Клятва из пяти пунктов Мэйдзи», один из пунктов которых гласил: «*Знания должны собираться по всему миру во имя процветания императорской власти*». И уже на следующий год после революции, в 1869 году, новое японское правительство отправило учиться на Запад несколько молодых государственных служащих, чтобы незамедлительно начать собирать новые знания.

Первые же впечатления японцев от увиденного ими на Западе были для них просто ошеломительными. Сравнивая по пути бедных индийцев и других азиатов под управлением британских и других европейских колонистов с их мощными кораблями и военными технологиями, японцы не переставали удивляться достижениям западной цивилизации. Увидев Париж с его высокими строениями и развитой инфраструктурой, масштабные заводы и фабрики, университеты и театры, молодой японский служащий (кстати, выходец из той же Сатсумы) Масана Маэда в своих дневниках записал:

> «*После всего увиденного я начал думать, что мы японцы как азиатская раса не сможем достигнуть всего того, чего достигла европейская раса. И это чувство безнадежности настигло не меня одного, а всех моих друзей; кто-то впал в большое отчаяние, а один из наших коллег из-за этого даже совершил самоубийство харакири*»[30].

Миссия Ивакуры

Однако самая масштабная экспедиция на Запад была предпринята в 1871 году, когда была снаряжена большая правительственная миссия – «Миссия Ивакуры», чьей целью было обозначено установление дипломатических контактов с зарубежными странами, а также поиск новых технологий, которые могли пригодиться новой Японии для построения промышленной экономики. В эту поездку, которая продлилась больше года, решили ехать сами лидеры нового правительства Окубо Тошимичи и Кидо Такайоши, придавая тем самым ей важнейшее государственное значение. Так как одним из приоритетов была обозначена выработка стратегии развития страны на ближайшие десятилетия, руководителям страны было необходимо понять разные модели развития зарубежных стран и сравнить их между собой.

Японские лидеры посетили множество европейских стран и одну из самых долгих остановок сделали в Великобритании, где их интересовали достижения этой страны в промышленном производстве. Миссией были исследованы корабельные верфи в Ливерпуле, текстильные фабрики в Манчестере и Бредфорде, металлургические производства в Глазго и Ньюкасле, сахарные в Гринвиче, бумажные фабрики в Эдинбурге, паровые производства в Шеффилде и пивоварни в Бирмингеме[31]. Японцев очень интересовала организация всех этих сложных производств.

Обозревая все это, Окубо Тошимичи и его коллеги хорошо понимали важность и необходимость рыночных реформ в становления капиталистических институтов своего нового государства, однако они считали, что в отличие от Запада в Японии именно государству должно

---

[29] Shinichi K. «Meiji Revolution: Start of Full-Scale Modernization». Chapter 1. В видео-серии Agency for International Cooperation, Open University of Japan. Seven Chapters of Japanese Modernization. JICA-DSP, 2019.

[30] Inukai, I. Japan's First Strategy for Economic Development. International University of Japan, 2003. С. 11—12.

[31] Sagers, 2006.

принадлежать последнее слово в определении формы капитализма в их стране. Окубо отмечал, что Япония не может просто слепо следовать моделям западных стран, что она больше выиграет, если сможет перенять различные технологии, но, в конце концов, страна должна найти свой собственный путь. И это видение Японии как уникальной страны со своей исторической идентичностью стало важнейшим элементом японской национальной системы политической экономии, о которой упоминалось выше.

Определив в Великобритании, каким должно быть будущее Японии, уже в Германии японские лидеры начали понимать, каким образом этого можно достичь быстро. В объединяющейся Германии члены Миссии Ивакуры смогли встретиться с легендарным «железным канцлером» Отто фон Бисмарком, в котором они, можно сказать, наконец-то нашли «родственную душу». Бисмарк был активно вовлечен в процессы ускоренной индустриализации новой Германии, и для японцев параллели были очевидны. В своем дневнике Окубо Тошимичи записал слова Бисмарка:

> «*Сейчас все нации мира дружественны и вежливы друг с другом, но это только так кажется. В действительности, под этим скрывается борьба, где большие и сильные презирают и затмевают слабых и маленьких*»[32].

Этим Бисмарк только укрепил понимание японцев текущего международного геополитического соперничества: чтобы выжить, Япония должна была стать сильной в военном отношении страной, а для этого нужна была индустриализация.

Бисмарк также утверждал, что концепция «свободного рынка» – это логика сильнейшего, который первым достиг превосходства и теперь хочет снять протекционистские барьеры у всех остальных. Правительства же менее развитых стран должны вначале защищать свои растущие отрасли. Бисмарк ссылался на теорию Фридриха Листа, который, как отмечено выше, развил свою германскую альтернативу теории «свободного рынка» Адама Смита и других, кто продвигал либеральную экономику англо-американского типа. Японцы сразу уловили идею. Они поняли, что целью индустриальной революции являются не просто машины и технологии, а в огромной степени усиление военной мощи страны. Таким образом, индустриальная стратегия Японии стала частью военной стратегии по усилению страны для противостояния странам Запада[33].

Одним из самых важных, что уяснили японцы в бисмарковской Германии, стало понимание идей меркантилизма и протекционизма. Несмотря на всеобщую распространенность на Западе идей британской классической политической экономии о свободной торговле, японцам очень импонировал именно немецкий подход, тем более, что его эффективность они видели тут же в бурно развивающейся Германии начала 1870-х годов.

Более того, японцы уже были немного подготовлены. В 1870 году вышел труд бывшего переводчика с английского языка Норикадзу Вакаямы под названием «Теория о протекционистских тарифах» («*Hogo Zeisetsu*»), которая стала первой японской книгой, защищающей принципы протекционизма. Вакаяма был знаком с концепцией Рикардо о сравнительных преимуществах разных стран при свободной торговле, однако в своей книге критиковал эту концепцию, основываясь на своих эмпирических знаниях. Он писал, что Япония в тот момент не могла себе позволить равную конкуренцию в свободной торговле, так как пока не обладала какими-либо сравнительными преимуществами на фоне ушедших вперед западных стран. Поэтому Япония должна использовать протекционистскую политику и защищать своего производителя, чтобы «снискать себе увежением других государств, которые могли представлять угрозу безопасности Японии». При этом он приводил разные примеры из истории тех же запад-

[32] Sagers, 2006.

[33] Там же.

ных стран, когда они так же использовали протекционистскую политику для развития собственных экономик[34].

Еще большее влияние на японцев, однако, оказали идеи самого Фридриха Листа, которые он изложил в своей «Национальной системе политической экономии». Лист и его последователи из немецкой исторической школы активно критиковали британскую либеральную экономическую традицию, утверждая, что слабость идей Адама Смита заключается в том, что они не учитывают жестокости реального мира с враждебно настроенными друг к другу нациями, находящимися на разных стадиях своего развития. Идеи же британцев постулировали «фиктивную космополитичность» мира с открытыми границами, чего в реальности не было. И именно этот момент японцы четко зафиксировали для себя. Переводчик трудов Листа Садамасу Ошима отмечал, что британские классические экономисты считали законы экономики такими же универсальными, как законы физических наук, в то время как немецкая историческая школа экономики считала, что принципы социальных и экономических наук специфичны для определенного времени и места[35].

Ошима также писал, что самым неприемлемым в рикардианской теории является утверждение сторонников «свободного рынка» о том, что для выражения своих сравнительных преимуществ «*сельскохозяйственные страны должны оставаться сельскохозяйственными, а индустриальные – индустриальными*». И именно поэтому было важно государственное вмешательство в экономику, чтобы Япония из сельскохозяйственной страны быстрее выросла в индустриальную державу и заняла свое место среди развитых стран мира.

В 1890 году в Японии была создана Национальная Экономическая Ассоциация (*Kokka Keizai Kai*), которая начала активно продвигать идеи протекционизма Ошимы и немецких мыслителей. Именно немецкая теория была официально принята в качестве руководства к действию.

Во время Миссии Ивакуры японцы отмечали, что в новой Германии все еще много сельского хозяйства. Свыше двух миллионов человек из четырех все еще были заняты в сельском хозяйстве. Однако японцы заметили, что доходы от этой деятельности немцы стараются вкладывать в развитие производства. Лидеры Правительства Мэйдзи поняли, что им во многом предстоит повторить такой же путь – вначале полагаться на сельское хозяйство, но уже его плоды вкладывать в индустриальное производство. Доходы от сельскохозяйственного экспорта должны были дать так необходимую твердую валюту, без которой невозможно было импортировать технологии и оборудование для индустриализации. Поэтому ключом к промышленному развитию сначала должно было стать улучшение сельскохозяйственной производительности[36].

[34] Morris-Suzuki, 1989. С. 50.

[35] Там же. С. 51.

[36] Sagers, 2006.

1.2.2. Первые реформы

В целях ускоренной индустриализации и получения новых знаний была разработана политика отправки на Запад разных категорий учащихся. Всего в 1868—81 годах в Европу и Америку в поисках новых знаний и технологий за государственный счет было отправлено 415 студентов и 969 государственных служащих, а затем, в 1882—95 годах уже 186 студентов и 2814 государственных служащих[37]. Правительственные чиновники и представители бизнеса посетили свыше 20 международных промышленных и коммерческих выставок на Западе с целью изучения иностранных технологий, а также возможностей японского экспорта. Так, японцы были активными участниками Парижской выставки 1878 года, Антверпенской 1883 года, Вашингтонской 1883 года, Новоорлеанской 1884 года, Нюрнбергской 1885 года, Лондонской 1885 года, Барселонской 1887 года, Гамбургской 1887 года, Чикагской 1891 года и многих других выставок того времени[38]. Например, на большую выставку в Вене 1873 года было направлено 70 японских делегатов, включая 24 технических специалиста от разных частных промышленных предприятий, в чьи задачи входили поиск и приобретение важных для страны знаний о промышленных технологиях Запада и их особенностях[39].

В 1870—85 годах около 42% общих затрат Министерства инженерии было израсходовано на приглашение иностранных экспертов, в 1877 же году эти затраты увеличились до 66%. Политика Министерства промышленности была направлена на наем иностранных специалистов не в производственный сектор, а в стратегическую инфраструктуру: в 1872 году 80% от 800 иностранных работников были заняты в железнодорожной отрасли, на телеграфе и других смежных направлениях[40].

Особое внимание японцы сосредоточили на Германии, куда стремились направлять больше всего студентов и откуда приглашали больше всего учителей. Это было обусловлено не только высоким уровнем развития науки и технологий в Германии, но также и особенной организацией промышленности и экономики, нацеленной на поступательное развитие всего государства как единой системы, в отличие от англо-саксонской системы, где главным было развитие частного капитала[41].

В своей книге о зарождении науки в Японии Дж. Бартоломью отмечал, что четырьмя главными причинами увеличения немецкого влияния на японскую науку являлись: (1) привлекательность для японских чиновников принципов именно германской политической экономии; (2) относительно либеральный торговый режим, предложенный Германией для Японии; (3) сравнительная открытость академической системы Германии и частота межуниверситетского обмена; а также (4) высокий статус немецких экспериментальных программ, ассоциирующихся с именами Рентгена, Планка, фон Байера, Дизеля, Коха и фон Беринга[42]. Японские студенты записывались на программы Коха по бактериологии, Артура Хантцша по стереохимии, Густава Тамманна по металлургии и Альберта Эйнштейна по теоретической физике. Стремление японцев постичь новые технологии было настолько сильным, что они «*хватались именно за последние достижения науки, вместо изучения духа науки, который сделал такие дости-*

[37] Inukai, 2003. С. 21—22.

[38] Там же. С. 86.

[39] Inkster, I. Science and Technology in History: An Approach to Industrial Development. Rutger University Press, 1991.

[40] Там же.

[41] Inkster, 1991.

[42] Bartholomew, J. The Formation of Science in Japan. Yale University Press, 1998.

жения возможными», – писал немецкий физик Эрвин Баэльц в Токийском Императорском университете в 1901 году[43].

Для скорейшего трансфера западных знаний и технологий в Японии уже в 1871 году было образовано Министерство образования, а в 1872 году была введена система обязательного всеобщего образования. Вначале такое образование длилось всего 16 месяцев, однако уже в 1907 году оно стало составлять 6 лет. Образовательная система Японии вначале основывалась на французской модели, а после на американской, однако основополагающим духом системы японского образования была германская модель государствоцентризма, в сочетании со сложившимися веками в Японии конфуцианскими консервативными традициями. Это сочетание отразилось в специальном положении 1890 года под названием «Императорское уложение об образовании», которое заложило идеологическую основу новой образовательной системы, особо выделяя такие категории как лояльность, долг перед государством, уважение к традициям и подчинение единому порядку, что демонстрировало влияние самураев на новую систему образования Японии[44]. Все самые известные и престижные сегодняшние университеты Японии тоже были заложены в тот период: Токийский императорский университет, Киотский университет, Васеда, Кейо и Хитоцубаши.

Особую роль в освоении западных знаний сыграл Институт технологий (*Кобу Дайгаку*), основанный в 1887 году, куда приглашались преподавать иностранцы. На базе института стали активно изучаться устройства различных импортированных из Америки и Европы машин, чтобы позднее самим же их и воспроизвести. Впоследствии, когда японские компании заключали партнерские соглашения с западными фирмами в целях усвоения их технологий, после изучения инноваций они постепенно расторгали соглашения, больше не нуждаясь в помощи иностранцев. Важную роль в освоении новых технологий играли также и торговые компании Mitsui и Takada Shokai, которые не просто импортировали машины, но и обучали местных предпринимателей, как ими пользоваться, а в дальнейшем оказывали им техническую поддержку[45].

Индустриализация

Итак, главным национальным приоритетом Японии стала цель – догнать Запад во всех цивилизационных аспектах, то есть стать страной «первого класса», причем как можно скорее. Для этого был официально принят лозунг «*Фукоку кёхей*», что значило «богатая страна, сильное государство». Правительство Мэйдзи хорошо понимало свою отсталость от Запада, и для модернизации страны определило три основные задачи: (1) экономическую модернизацию через индустриализацию, (2) политическую модернизацию через введение новой конституции, и (3) военную модернизацию через активную внешнюю политику[46].

Таким образом, индустриализация и стала главной задачей японского экономического развития, и она требовала много иностранной валюты для приобретения западных технологий. Первым источником иностранной валюты стал экспорт продукции трудоемких сельскохозяйственной и текстильной отраслей, включая шелковое и хлопковое производство, которые к 1919 году обеспечили более 40% экспорта японского сырья[47].

Шелководство стало стратегической отраслью. Начиная с 1874 года, японским правительством в целях изучения их опыта было отправлено несколько официальных делегаций во Францию и Италию, а также запущен целый научно-исследовательский институт – Институт

[43] Ohno K. The Economic Development of Japan: The Path Traveled by Japan as a Developing Country. GRIPS, 2006.

[44] Andressen C. A Short History of Japan: From Samurai to Sony. 2002.

[45] Ohno, 2006.

[46] Ohno, 2006.

[47] Мамытов, 2020.

исследований шелководства, который должен был заняться теоретическими вопросами повышения производительности, улучшения качества продукции и стандартизации этой отрасли [48].

В целом же, можно констатировать, что шелководство стало первой важной отраслью, на которой была отработана новая индустриальная организация зарождающейся японской экономики. Именно эта отрасль позволила объединить и сельское хозяйство, и промышленное производство, и науку, и участие государства, и финансирование, и экспорт.

Одним из своевременных стимулов развития шелководства стал и мировой рост цен. С 1859 по 1868 годы мировой рост цен на японский шелк вырос в пять раз. Это очень стимулировало японских шелководов увеличить производительность отрасли, активно изучая и применяя научные методы[49]. Далее, шелководство требовало переработки, и это стимулировало развитие промышленных предприятий, причем государство, в целях стандартизации отрасли и повышения его эффективности, стало поощрять развитие крупных предприятий. Однако, одним из главных факторов стало стремление японского правительства создать в стране новые крупные фабрики, которые смогли бы наравне конкурировать с устоявшимися зарубежными производителями. Для этого правительство, изучив опыт Германии, попыталось создать государственные модельные фабрики, которые должны были продемонстрировать, как необходимо управлять такими предприятиями.

В 1881—82 годах правительство создало два прядильные фабрики в Аичи и Хиросиме, которым начало предоставлять долгосрочные кредиты для импорта машин и оборудования. А к 1885 году в стране уже функционировало 10 частных предприятий, оборудованных машинами, которые для них специально закупило государство.

Также стал активно расти спрос на шерсть, порождаемый популярностью западного стиля одежды и западной военной формы. К 1877 году доля шерсти в импорте стала составлять 18%, и для снижения этого импорта и торгового дефицита Министерство внутренних дел учредило в провинции Шимоса большое овцеводческое хозяйство. В конце же 1877 года им было запущено предприятие по переработке шерсти «Сенджу»[50]. Окубо Тошимичи считал, что, в конце концов, японские компании сами должны управлять такими предприятиями, но вначале государство должно им помочь с планированием и финансированием.

Политика финансового стимулирования со стороны правительства была крайне важной, так как частники все еще не были готовы самостоятельно развивать промышленность и вкладывать большие инвестиции в эту сложную отрасль. Однако, помимо плановой, финансовой и научно-исследовательской не менее важной мерой поддержки со стороны государства стала помощь в индустриальной организации этой отрасли через интеграцию и связывание компаний друг с другом. Уже тогда японские управленцы увидели в развитии шелководства необходимость некого кластерного развития и создания целостных экосистем, подобных германским картелям. Государство начало всячески стимулировать консолидацию импорта сырья, укрупнение производства и переработки, а также снова консолидацию, но уже экспорта.

Правительство Мэйдзи хорошо уяснило для себя, какую важную роль в развитии своих экономик сыграли крупные европейские торговые компании типа британских «Ост-Индской компании» и «Жардин Мэтисон» (Jardine Matheson), которые активно торговали в южном Китае. Эти торговые компании экспортировали домашнюю продукцию и импортировали нужное сырье в крупных масштабах, оперируя колоссальными объемами, финансовыми средствами и активно влияя на рынки сбыта. Они обогащались как сами, так и приносили пользу своим государствам, оптимизируя экспорт. И японцы захотели взрастить собственные подоб-

[48] Inkster, 1991.

[49] Amsden, A. The Rise of «the Rest»: Challenges to the West from Late-Industrializing Economies. New York: Oxford University Press, 2001. C. 69.

[50] Sagers, 2006.

ные торговые компании, которые смогли бы функционировать на таком же международном уровне.

Первыми двумя японскими крупными торговыми компаниями стали Mitsui и Mitsubishi. Причем, если первая уже имела большой опыт и была устоявшимся торговым домом, то вторую государство практически взрастило через различные меры стимулирования. Обе компании вначале активно торговали сельскохозяйственной продукцией, однако государство хотело видеть в них универсальных трейдеров, которые должны были закрывать почти все потребности страны в импорте и экспорте.

Государственная помощь таким новым предприятиям как Mitsubishi позволила им добиться устойчивого роста и вырасти к началу XX века мощными конгломератами, известными как «*зайбацу*». Государственная поддержка для Mitsubishi осуществлялась в форме долгосрочных субсидий, а также передачи государственных морских судов во владение компании. Другие кораблестроительные компании были сгруппированы вокруг Mitsubishi для формирования единого фронта противостояния зарубежным конкурентам[51]. Эта политика импортозамещения и взращивания крупных компаний при поддержке государства стала называться «*Юнью боатсу*» и вдобавок к двум уже устоявшимся крупным зайбацу Mitsui и Sumitomo породила еще четыре: Mitsubishi, Furukawa, Asano и Yasuda[52].

По замыслу правительства частный бизнес должен был взять на себя крупные государственные проекты как можно раньше, однако государство должно было помочь в планировании, организации и, наконец, в финансировании новых крупных предприятий, особенно производственных.

В 1873 году правительство, в целях централизованного развития экономики, создало Министерство внутренних дел, куда объединило вопросы индустриального развития с вопросами местного самоуправления. Руководителем нового министерства стал сам Окубо Тошимичи, который в государственных чиновниках видел, прежде всего, управленцев, причем управленцев, которые должны были иметь широкий кругозор и целостную картину развития своей страны. Эти управленцы должны были не просто хорошо понимать вопросы развития сельского хозяйства и промышленности, но четко осознавать, ради чего все это делается и куда теперь движется новая Япония.

В своем «Меморандуме о продвижении производства и стимулировании промышленности» он записал:

> *«Сила государства зависит от процветания народа. Процветание народа зависит от обилия производства. Обилие же производства, конечно же, основано на трудолюбии народа и его предприимчивости»*[53].

Правительство Мэйдзи четко связывало экономическую мощь государства с развитостью частных предпринимателей, производящих промышленные товары в изобилии. И государство стремилось им в этом помогать. Однако конечной целью развития частных предпринимателей государство видело в достижении своих целей – превращения Японии в мощную промышленную державу, а не просто ради каких-то европейских экономических теорий[54].

Окубо считал, что без государственной помощи люди не знают, как развить большие фабрики. Возможно, они и могут вести небольшое дело, как они и вели раньше, но то, что нужно государству – крупные промышленные предприятия для быстрой индустриализации, это, по мнению Окубо, было недостижимо на принципах «свободного рынка». Согласно его глубокому убеждению:

---

[51] Мамытов, 2020.

[52] Ohno, 2006.

[53] Sagers, 2006. С. 105.

[54] Sagers, 2006. С. 106.

> «*долг государственных чиновников, умело и чистосердечно, в условиях реального положения дел, поощрять развитие промышленности и увеличивать производительность, закладывая основы богатства и силы, без промедления*»[55].

Он также писал, что экономическое планирование должно принимать во внимание особенности японской истории и культуры. Япония была уникальна, и поэтому не должна была управляться какими-то внешними доктринами, созданными другими странами. Японский народ нуждался в защите от вредного внешнего влияния, что могло осуществить только государство.

В то же время, Окубо Тошимичи писал, что государство не должно вовлекаться в дела частного бизнеса слишком глубоко, так как это могло его дестимулировать, подорвать инициативу. Самым оптимальным на этой стадии развития, он считал, государству необходимо подобрать несколько подходящих предпринимателей и помочь им. И самым удачным примером оказалась компания Mitsubishi, с которой так и произошло. Государство оказало компании на ранней стадии всю необходимую помощь, и к концу XIX века она превратилась в крупнейший конгломерат зайбацу. Государство не просто передавало Mitsubishi свои корабли в течение 15 лет, а даже активно пыталось сгруппировать другие небольшие пароходные компании вокруг Mitsubishi, чтобы они все вместе превратились в мощную группу компаний, способную конкурировать с развитыми зарубежными торговыми корпорациями[56]. И одним из основных средств государственного стимулирования стало финансирование.

Финансово-банковская система

Эпоха Эдо породила хорошие предпосылки для развития финансово-банковской системы в новой Японии. Например, торговый дом Mitsui, который впоследствии стал крупной торговой компанией, уже имел опыт управления финансовыми операциями через свою меняльную лавку. В 1876 году это обменное бюро выросло в полноценный банк Mitsui.

Уже в 1880 году вслед за Mitsui появились еще два крупных банка – Mitsubishi Bank и Yasuda Bank, которые так же были прикреплены к своим торговым компаниям. А в 1895 году в Осаке появился еще один – Sumitomo Bank, таким образом, закладывая фундамент крупнейших бизнес-групп современной Японии. Связанные с крупномасштабной экспортно-импортной торговлей Японии, эти банки стали основными банками своих бизнес-групп зайбацу и со временем поглотили многих своих мелких конкурентов. Например, Yasuda Bank к 1912 году поглотил 17 других банков Японии[57].

Новая финансово-банковская система Правительства Мэйдзи была во многом проработана одним из самых ярких представителей Правительства Мэйдзи Ито Хиробуми, который впоследствии стал первым официальным премьер-министром Японии.

Ито Хиробуми сразу же после Реставрации Мэйдзи был направлен новыми властями в США для изучения американской банковской системы. В 1871 году он так же вместе с Окубо Тошимичи принимал участие в Миссии Ивакуры, а после смерти Окубо в 1878 году стал министром внутренних дел, начав активно вовлекаться в развитие реального производственного сектора новой Японии.

Изучая банковскую систему США, Ито Хиробуми писал:

> «*Национальные банки Соединенных Штатов, если их сравнить с другими странами, представляют собой лучшую финансовую систему в мире.*

[55] Там же.

[56] Sagers, 2006.

[57] Davies, G. A History of Money. From Ancient Times to the Present Day. University of Wales Press, 2002. C. 585.

И если мы сможем устранить некоторые проблемы этой системы, которые не смогли устранить сами американцы, то мы сможем построить настоящую будущую основу для богатства нашей нации»[58].

То есть, Ито Хиробуми уже тогда глубоко изучил природу финансово-банковских систем многих стран Запада и смог выделить преимущества американского национального банка, построенного во многом на основе идей Александра Гамильтона. В Америке Хиробуми обратил особое внимание на то, как власти пытались обуздать инфляцию, возникшую в результате Гражданской войны в США в 1861—65 годах. Новое революционное правительство Японии так же было на грани войны (Восстание Сатсума), и инфляция здесь была такой же большой проблемой. Американский опыт оказался очень полезным.

В 1881 году министром финансов Правительства Мэйдзи стал еще один самурай из клана Сатсума – ученик Нариакиры Шимадзу – Матсуката Масайоши (1835—1924), и именно он учредил центральный банк Японии в 1882 году.

Основной своей целью Масайоши, так же как и Окубо Тошимичи, считал ускоренную индустриализацию страны, что должно было быть достигнуто через импортозамещение и продвижение экспорта. Для этого требовались инструменты стимулирования, и финансово-банковская инфраструктура, по мнению Масайоши, была важнейшей из них.

Масайоши понял, что для настоящей независимости новой Японии нужна своя независимая финансово-банковская система, которая должна была контролировать выпуск собственных денег на устойчивой основе. И создавая Банк Японии, Масайоши особо стремился к тому, чтобы новая японская экономика не зависела от иностранного капитала[59].

Матсуката, конечно же, понимал, что успех развития во многом зависит от частных предпринимателей, однако он тоже считал, что государство должно оказывать необходимую поддержку. И Банк Японии, по его мнению, должен играть в этом важнейшую роль, финансируя экономическое развитие. Центральный банк должен был выдавать займы другим банкам, а также следить за тем, чтобы предприятия реального сектора получали инвестиции в необходимых количествах. Очень важной он считал связку двух типов банков: индустриального банка и сберегательного банка, которые должны были дополнять друг друга. В 1882 году Матсуката Масайоши написал:

«Промышленность и сбережения – это два важнейших фактора в создании национального благосостояния. Сберегательный банк должен поощрять дух бережливости, а индустриальный банк должен стимулировать развитие индустрии: сельскохозяйственной и производственной».

В 1886 году сначала был создан Ипотечный банк, затем в 1887 году специальный банк по финансированию малого и среднего бизнеса, а в 1900 году Промышленный банк Японии, занимавшийся долгосрочным кредитованием крупных промышленных предприятий в судостроении, металлургии и машиностроении[60].

Стимулирование промышленности, осуществляемое государством на начальных порах, в первую очередь касалось государственных проектов. В результате, практически все построенные в 1880-х годах крупные промышленные предприятия были созданы либо самим правительством, либо при его активном содействии, путем предоставления частникам государственных субсидий и льготного кредитования, а также импорта иностранной техники и оборудования. В эти годы в собственности государства уже находились 3 судоверфи, 51 торговое судно, 5 военных заводов, 52 промышленных предприятия, 10 шахт, а также телеграф-

[58] Sagers, 2006. С. 104.

[59] Sagers, 2006.

[60] Мамытов, 2020.

ная система, связывавшая все основные города страны, и железные дороги протяженностью около 120 км[61].

	Компания	Количество работников	Собственность
1	Kure Naval Factory	12 378	Государств.
2	Yokosuka Naval Factory	6 761	Государств.
3	Tokyo Military Factory	6 452	Государств.
4	Mitsubishi Shipbuilding	5 058	Частная
5	Sasebo Naval Factory	3 612	Государств.
6	Osaka Military Factory	3 120	Государств.
7	Kawasaki Shipbuilding	3 060	Частная
8	Shimbashi Factory	1 721	Государств.
9	Japan Railroad Omiya Factory	1 700	Частная
10	Osaka Steel	1 623	Частная

Десять крупнейших промышленных предприятий эпохи Мэйдзи и их формы собственности[62]

Таким образом, в эпоху Мэйдзи Япония вступила, имея сильно отсталую экономику, основу которой составляли сельское хозяйство и мелкое кустарное производство. Однако в результате мощной правительственной политики ускоренной индустриализации к 1895 году производство железа и стали увеличилось вдвое, а производство текстильной продукции в восемь раз[63]. Экспорт японских товаров в 1890—1913 годах стал увеличиваться на 8,6% ежегодно по сравнению с ростом в Германии на 5,1%, и общемировым ростом в 3,5%.

[61] Inkster, 1991.

[62] Ohno, 2006.

[63] Morris-Suzuki, 1989. C. 53.

1.2.3. Японская экономика в начале XX века

Первая Мировая война очень положительно отразилась на японской экономике. Промышленное производство в военные годы росло в среднем по 9% в год, причем основной рост показывали металлургия и кораблестроение. К концу 1920-х годов Япония уже считалась достаточно мощной индустриальной державой, где добывающая и производственная отрасли занимали большую долю по сравнению с сельским хозяйством[64]. Например, к 1926 году, если доля производственных товаров в экспорте США составляла 37%, то у Японии эта цифра уже составляла 43%[65].

В этот период японская экономика сильно напоминала англо-саксонскую – стал развиваться рынок капиталов, и компании 30—50 процентов финансирования привлекали с фондовых рынков, а более двух третей от прибылей компаний распределялось в качестве дивидендов[66]. Это способствовало тому, что частные инвесторы и богатые семьи стали держать крупные пакеты акций промышленных предприятий и контролировать их советы директоров. Соответственно, частные инвесторы были заинтересованы в максимальных и быстрых прибылях, и предприятия были вынуждены выплачивать существенные финансовые средства в качестве дивидендов. Менеджмент в компаниях мог быстро меняться, если не устраивал акционеров. Работники часто переходили из одной компании в другую. И, хотя в стране всегда существовала традиция сильного государства, тем не менее, 1920-е годы стали периодом расцвета либерального капитализма в Японии, который активно в тот момент продвигался Соединенными Штатами и Великобританией.

С Великобританией в этот период у Японии начали складываться особые отношения, завязанные на финансовой мощи лондонского Сити.

Перед Русско-Японской войной Правительство Мэйдзи остро нуждалось в деньгах и обратилось к лондонскому финансовому рынку. И, хотя Великобритания оставалась формально нейтральной, тем не менее Банк Англии прогарантировал японский заём на 82 миллиона фунтов стерлингов, под который группа британских банков совместно с Нью-Йоркской Kuhn, Loeb & Company организовали четыре больших выпуска облигаций[67]. Японское правительство стало тесно интегрироваться в мировую экономику, центром которой была Великобритания с главной резервной валютой того времени – фунтом стерлингов.

Однако, если до Первой мировой войны Япония все еще считалась периферийной страной, то в результате экономического бума военного периода позиции Японии стали усиливаться. Растущий экспорт и большая валютная выручка позволили японской йене стать одной из самых сильных мировых валют, а Японии стать одной из сильнейших мировых военно-промышленных держав. Если до Первой мировой войны Япония была страной-должником, то уже после войны она превратилась в страну-кредитора. Одним из двигателей японской экономики стало кораблестроение, которое позволило Японии к 1920 году стать одной из трех мировых военно-морских держав, наряду с Великобританией и Соединенными Штатами Америки[68].

Существенную часть валютной выручки японское правительство стало держать на зарубежных счетах, в частности в Лондоне. Например, объём японских депозитов в британских банках – 39 миллионов фунтов стерлингов даже превышал объём денег британского правительства в Индии – 28 миллионов, хотя широко известно, что именно индийские деньги

[64] Morris-Suzuki, 1989. С. 61.

[65] Amsden, 2001. С. 72.

[66] Werner, 2003. С. 11.

[67] Bytheway и Metzler, 2016. С. 16.

[68] Там же. С. 63.

в тот период считались критически важным элементом британского финансового могущества. В целом же, Япония и Индия владели 75% иностранных резервов в Лондоне, сильно подкрепляя британский фунт. То есть здесь можно утверждать, что резервный статус британского фунта во многом держался на азиатском факторе[69].

Глава Федеральной Резервной Системы США того времени Бенджамин Стронг писал:

> «*Всего за 50 лет Япония смогла перенять все западное, как если бы просто одела новый костюм. Однако западной является одежда, все же внутри остается японским. Внешне Япония создает вид демократии, однако внутри это очень организованная бюрократия*».

Другой известный финансист Томас Ламонт писал, что фактически существуют две Японии: одна либеральная с сильными бизнесменами, другая же антилиберальная с сильными милитаристами[70].

Действительно, подобно Германии, Япония смогла построить у себя уникальное сочетание государственной власти. С одной стороны страной руководили государственники во главе с военными, которые ставили во главу угла интересы продвижения страны как мировой державы. С другой же стороны огромная власть сосредотачивалась у крупных финансово-промышленных групп зайбацу, которые преследовали свои частные интересы. Интересы обеих сторон, подобно предвоенной Германии, совпадали в том, что обе стороны стремились к расширению. Зайбацу активно убеждали политиков и милитаристов в том, что Япония должна стать военной супердержавой мирового уровня и занять свою часть мирового «пирога» в Азии. Убеждали, что потенциал страны и бурно растущая экономика этому соответствовали, но для этого необходимо было расширяться и создавать свой большой экономический макрорегион.

Эффективно организованная капиталистическая экономика, как показал опыт Германии, стала толкать японские финансово-промышленные группы, для поддержания непрерывного роста и высоких прибылей, к постоянному поиску новых рынков сбыта. Кроме этого, для поддержания своей растущей экономики стране требовались полезные ископаемые, сырье и энергоресурсы. Это понимали не только сами промышленники, но и политическая элита. Для политиков это было вопросом власти и влияния, как и для милитаристов. В итоге все мотивы элитных групп страны объединились и стали толкать Японию на путь империализма. Вопрос долгосрочного устойчивого развития страны лежал в плоскости обеспечения постоянными источниками ресурсов и рынков сбыта. Для капиталистической экономики, завязанной на необходимости поддержания прибылей и постоянного роста экономики, это было критически важно. Кроме того, контекст того времени это позволял. Видя, как США и другие западные страны ведут свою империалистическую колониальную политику, японские капиталисты и политики считали, что так же имеют право на свои внешние владения. Здесь же в Азии.

К тому моменту и Великая депрессия также начала диктовать свое. Финансово-экономический кризис, начавшийся в США в 1929 году и перекинувшийся на весь остальной мир, безусловно, задел и Японию. Японский экспорт в США в 1931 году упал на 55%, а общие показатели экспорта рухнули на треть[71]. Общие экономические показатели стали сильно падать и ухудшать уровень жизни, стимулируя социальную напряженность в обществе[72]. Многие государства начали возводить экономические барьеры, мировая торговля сильно замедлилась, и на фоне падения уровня жизни во многих государствах стали активизироваться националистические фашистские режимы. Это существенно развязало руки милитаристам и политикам

[69] Там же.

[70] Bytheway и Metzler, 2016. С. 89.

[71] Copeland, 2015. С. 147.

[72] Okazaki и Okuno-Fujiwara, 1999. С. 3.

Японии, еще больше укрепив их убежденность в необходимости ведения более решительной политики в преследовании своих национальных интересов.

Рост торгового дефицита стал вынуждать Японию сильно растрачивать свой золотой запас для получения иностранной валюты и обеспечения нужных объемов импорта. Уже к 1938 году Япония исчерпала почти половину своего золотого запаса, в то время как цены на импортное сырье росли, а на японские промышленные товары падали. Ситуация в экономике стала сильно ухудшаться.

Важно отметить, что основным торговым партнером Японии в начале 1940-х годов были США, которые поставляли Японии около 80% нефти и 75% железа[73]. В меньшей степени, но также важную роль играли поставщики сырья из голландских и британских колоний в юго-восточной Азии.

Соединенные же Штаты уже к 1940 году нащупали выход из Великой депрессии через запуск программ массового производства промышленной продукции, реализуемый через финансовые стимулы со стороны специально созданной государственной Корпорации по Финансированию Восстановления своей экономики – Reconstruction Finance Corporation, а также ряд созданных ею государственных военных предприятий[74]. Например, известно, что в мае 1940 года президент США Рузвельт официально объявил в Конгрессе, что США подготовились ко Второй мировой войне и уже способны производить до 50 тысяч самолетов в год[75].

Госдепартамент США же еще в 1934 году начал угрожать Японии экономическими санкциями, обещая полностью урезать поставки своей нефти, выражая тем самым свою дипломатическую недружелюбность. В 1940 же году США стали открыто демонстрировать Японии свое уже намерение прекратить экспорт своего сырья, хорошо понимая, что для Японии это может стать критической точкой. Очевидно, что так и вышло. Это поставило Японию в сложную ситуацию: либо в стране усилится экономический кризис, что создаст еще больше социальных волнений без каких-либо предсказуемых последствий для дальнейшей судьбы страны, либо Япония должна силой получить доступ к критически важным ресурсам, пусть даже ценой агрессивной экспансии. Если же идти по второму пути, то Япония видела для себя два варианта: либо «идти на север» против растущей Советской России для обеспечения стабильности и роста на Маньчжурском направлении, либо «идти на юг» против США для обеспечения своей экономики нефтью и иными сырьевыми ресурсами.

Еще в 1920-х годах японское правительство стимулировало свои компании инвестировать большие средства в Маньчжурию, которая стала играть все большую роль в развитии страны. Регион поставлял в Японию уголь, железную руду и прочее сырье. Почва в Маньчжурии оказалась очень плодородной, и сельское хозяйство здесь процветало. Например, площади обрабатываемой земли под пшеницу и сою возросли на 70% с начала освоения региона. К 1930 году в Маньчжурии уже стало проживать свыше 225 тысяч японцев, стимулируя рост рождаемости в стране[76].

И, хотя Маньчжурия играла важную роль в экономике Японии, активизация военных действий на этом направлении не была срочной. Японские военные хорошо понимали, что Советский Союз ведет тяжелые сражения на своем западном фронте против Германии, и угрозы оттуда для Маньчжурии не исходит. Более критической выглядела ситуация с США, которые угрожали прекратить столь важные поставки нефти.

26 июля 1941 года Рузвельт заморозил японские счета на территории США, что парализовало торговые и дипломатические отношения двух стран. В сентябре США наложили на Япо-

[73] Copeland, 2015. С. 178.

[74] Мамытов, 2020.

[75] Jones, Jesse. Fifty Billion Dollars: My Thirteen Years with the RFC (1932—1945). New York, 1951.

[76] Copeland, 2015. С. 155.

нию нефтяное эмбарго, что уже было сравнимо с удавкой для Японии. В последующие недели посол Японии неоднократно обивал пороги Правительства США, выпрашивая отмену санкций и даже обещая отвести свои войска из Индокитая. Однако Соединенные Штаты так и не смягчили свои санкции, хотя и понимали, учитывая геополитические реалии того момента, что это точно вынудит Японию на крайние меры[77].

Некоторые исследователи по этому поводу писали:

> *«Многие историки соглашаются, что отказ Рузвельта был преднамеренным для того, чтобы спровоцировать Японию нанести удар по военной базе США на Филиппинах, которая мешала Японии завозить нефть из Бирмы и Голландской Вест-Индии»*[78].

> *«Существует устойчивый миф о том, что США были не готовы к внезапной атаке японцев в декабре 1941 года. Факты говорят о том, что решительная подготовка к войне началась в США еще за год, что и вынуждало японцев к отчаянному шагу нанести быстрый сокрушительный удар по американцам, пока еще не поздно»*[79].

Итак, Япония вступила в войну.

Было ли это вынужденной мерой в связи с провокацией Соединенных Штатов Америки и их экономическими санкциями против Японии, или японские политики, ведомые капиталистическими интересами своих финансово-промышленных групп, сами были заинтересованы в империалистском расширении своего макрорегиона – это не является предметом исследования в настоящей книге. Очевидно, что есть аргументы в пользу обеих причин.

Например, американский генерал Дуглас Макартур впоследствии перед Сенатом США высказал свое мнение о причинах японского нападения на США в декабре 1941 года:

> *«В Японии практически ничего своего нет кроме шелковичных червей. Они нуждаются в хлопке, они нуждаются в шерсти, они нуждаются в нефтепродуктах, они нуждаются в жести, нуждаются в резине, нуждаются в целой куче прочих вещей, и все это необходимо импортировать. Они боялись, что если поставки всего этого остановятся, то в стране появится 10—12 миллионов безработных. Таким образом, главной причиной их военной агрессии, главным образом, были соображения безопасности»*[80].

Тем не менее, по результатам войны Япония получила сокрушительное поражение, особенно учитывая полностью разрушенный Токио и почти стертые с лица земли города Хиросима и Нагасаки в результате их атомной бомбардировки американцами.

Впрочем, поражение в войне дало Японии новый стимул, но уже для более мощного развития и превращения страны уже через 30 лет во вторую крупнейшую и самую развитую экономику в мире, причем не военными, а экономическими средствами.

---

[77] Lewis, 2007. С. 235.

[78] Там же.

[79] Nolt, J. International Political Economy: The Business of War and Peace. New York: Routledge, 2015. С. 167.

[80] Axell, A. и Kase, H. Kamikaze: Japan's Suicide Gods. Pearson, 2002. С. 24—29.

1.3. Японское экономическое чудо, 1950—73 годы

Итоги Второй мировой войны стали очень разрушительными для Японии. Экономика страны была в руинах. Многие города пострадали от ковровых бомбардировок, особенно столица Токио.

С момента окончания войны в сентябре 1945 года и до апреля 1952 года японское государство управлялось под оккупацией GHQ —Верховного командования союзных сил (кстати, исключительно американских), которыми руководил вышеупомянутый американский генерал Дуглас Макартур, и который имел почти безграничную власть в стране.

Генерал Макартур и император Японии Хирохито в офисе GHQ, 1945 г. Фото Gaetano Faillace.

Для управления разрушенной экономикой Японии американским командованием был приглашен банкир Джозеф Додж, который до этого проработал в Германии и получил некоторый опыт управления послевоенной экономикой. В частности, в Германии он получил опыт замены старых рейхсмарок на новые дойчмарки.

Основной целью политики Доджа стал широкомасштабный переход экономики Японии на «рыночные рельсы». Полностью отвергая японские принципы о сотрудничестве между компаниями, американский банкир начал широко внедрять принципы рыночной конкуренции и жесткой рыночной рационализации. Одним из главных своих приоритетов Додж определил борьбу с инфляцией, для чего необходимо было ужесточать монетарную политику и сокращать фискальные расходы. Был определен фиксированный курс японской йены – 360 йен к 1 доллару США, который продержался до 1985 года, почти 40 лет.

Под лозунгом демилитаризации Японии американские власти начали ликвидацию тяжелой промышленности, а также начали распускать бизнес-группы зайбацу, которым вменялась главная вина за милитаризацию Японии.

Политика Доджа (Dodge Line) очень быстро привела к острой нехватке денег на фоне повышения налогов и начала порождать сокращения, банкротства компаний и первые крупные забастовки[81]. Япония оказалась на грани экономического краха – все испробованные «классические» меры не оказывали никакого эффекта. И, хотя еще десяток лет назад «Новый курс» Рузвельта и деятельность Корпорации по финансированию восстановления (RFC) экономики США после Великой депрессии продемонстрировали эффективность обратной – стимулирующей политики, Додж и американские власти настоятельно проводили ужесточающую монетарно-фискальную политику для Японии.

Именно в этот момент ситуацию спасло событие, которое полностью изменило ход дальнейшего развития Японии. На Корейском полуострове разразилась война.

Усиление Холодной войны уже в Азии: победа коммунистического Китая в 1949 году и масштабное наступление коммунистического Севера на Юг в Корейской войне в 1950 году заставили изменить планы американцев по отношению к Японии. Ввиду усиления «коммунистической угрозы», Соединенным Штатам остро понадобились союзники в Азии, а военно-промышленный потенциал Японии оказался очень подходящим. США отныне решили не ослаблять промышленность Японии, а наоборот усиливать ее, пусть даже ценой возобновления прежней традиционной политики японцев по государственному взращиванию своих промышленных конгломератов.

Близкое расположение Японии к Корее очень способствовало логистике, так как внезапно появился огромный спрос на всевозможные товары, как военного назначения, так и на продовольственные. Производственная база Японии тоже очень подходила и позволяла Соединеным Штатам сконцентрировать здесь существенную часть своих военных заказов, что оказало мощное стимулирующее воздействие на японскую экономику, обеспечив приток твердой валюты – подкрепленных золотом долларов США – для новой индустриализации Японии.

Жесткая монетарная политика быстро сменилась на стимулирующую, вновь заработали заводы и фабрики, и экспорт японской продукции пошел в Корею. Уже к 1951 году экспорт увеличился в 2,7 раз, валютные поступления составили сначала 590 миллионов долларов в 1951 году, а затем 800 миллионов в 1952[82]. В общем же, между 1951 и 1955 годами США

[81] Nakamura и Odaka, 2003. С. 95—96.

[82] Nakamura и Odaka, 2003. С. 92.

влили в экономику Японии свыше 2,5 миллиардов долларов[83], что в то время было существенной суммой.

Более того, для стимулирования японской промышленности Соединенные Штаты предоставили ей преференции не только со своей стороны, но и заставили Канаду, Италию, Швецию, Данию, Норвегию и Финляндию также предоставить Японии в 1955 году благоприятные условия для экспорта в обмен на открытие своего рынка для этих стран[84].

Увеличение экспорта позволило укрепить платежный баланс и начать вести еще большую стимулирующую монетарно-фискальную политику, одновременно увеличивая импорт иностранных технологий для развития новой промышленности Японии.

[83] Castley, 1997. С. 79.

[84] Martinez, M. The Myth of the Free Market. 2009. С. 155.

1.3.1. Локомотивы роста

Итак, если с 1945 года Япония начала медленно восстанавливаться с эффектом низкой базы, то начиная с 1950 года, можно уверенно считать, с началом Корейской войны Япония вступила на путь мощного экономического развития.

Согласно статистическим данным, средние ежегодные темпы роста Японии в период с 1950 по 1973 годы составляли 9,6%[85]. Для сравнения темпы роста США составляли 3,7%, а роста стран Европы 4,7%.

9,6% ежегодного роста – это очень высокий показатель, и этот темп роста продолжался свыше 20 лет. Те же европейские страны, имевшие схожий эффект низкой базы из-за разрушений в результате войны и начавшие так же активно восстанавливаться после 1945 года, показывали всего 4,7% роста в среднем, то есть вдвое ниже.

Возникает закономерный вопрос: в чем были особенности японской модели экономического развития? Например, широко известно, что США посредством Плана Маршалла активно помогали восстанавливаться и европейцам, вливая существенные средства в их экономики. Все вышеперечисленные европейские страны так же были союзниками США в Холодной войне против социалистического Советского Союза. Вышеперечисленные европейские страны так же получили доступ к богатому американскому потребительскому рынку. Однако, почему-то японская модель показала существенное превосходство – темпы роста вдвое превзошли общеевропейский показатель.

Ответ дают сразу несколько экономистов-исследователей из разных стран, которые отмечают, что настоящими авторами японского экономического чуда являлись вовсе не американцы, привнесшие в послевоенную Японию принципы свободного рынка, и даже не заказы Корейской войны 1950—53 годов. Эти факторы, безусловно, сыграли свою важную роль. Однако главную роль в обеспечении бурного, почти 10-процентного ежегодного роста Японии до середины 1970-х годов, сыграла уникальная государственная система управления, выстроенная в довоенный период. Эта система основывалась на очень умно выстроенной модели

[85] Источник: statista.com/statistics/1234645/gdp-growth-us-japan-europe-1950-1987. Взяты 12 европейских стран: Великобритания, Франция, ФРГ, Италия, Испания, Ирландия, Голландия, Бельгия, Люксембург, Португалия, Дания и Греция.

экономического планирования – на «*видимой руке планировщиков, которая превзошла другие системы*»[86].

Известный в Японии историк-экономист Такафуса Накамура особо подчеркивал, что мощный экономический рост Японии вырос из «*фундаментальной системы, заложенной в 1937 году*»[87]. Эта фундаментальная система в своей основе имела мобилизационную модель экономики, когда государство стало сосредотачивать все свои экономические ресурсы для одной стратегической цели – военной необходимости. И позднее, уже после войны, для быстрого восстановления экономики и совершения быстрого экономического рывка были использованы элементы именно той самой мобилизационной модели.

Другие историки-экономисты, Оказаки и Окуно-Фудживара, так же писали, что японская экономическая система выросла из довоенной системы управления, известной как «*Кикакуин*» – Совет Планирования, созданной «для мобилизации ресурсов во время китайско-японской и тихоокеанской войн».

> *«Это была система управления, основанная на сочетании лучшего опыта Германии и Советского Союза, на директивных методах центрального планирования, которые тогда стимулировали развитие тяжелой и химической промышленности в этих странах»*[88].

Интересно, что, хотя внешне в Японии в тот период развивался капитализм, тем не менее, государственные чиновники в Совете Планирования «*придерживались твердых антикапиталистических взглядов*»[89].

Эту же мысль об уникальной государственной системе управления высказал и современный немецкий исследователь Ричард Вернер, который несколько лет прожил в Японии и, хорошо зная японский язык, подробно исследовал монетарную часть экономического развития этой страны в послевоенные годы, в результате чего написал об этом сразу несколько книг, ставших бестселлерами в той же Японии.

Вернер подробно описал, что экономическая система Японии была сформирована в довоенные годы, и ее суть состояла в мобилизационной модели. В начале 1940 года Совет Планирования определял, что «*все отрасли экономики подлежат государственному планированию в целях образования экономической системы военного времени*». В качестве важнейших своих задач Совет выделил контроль за показателями промышленного производства. Были выделены три уровня: на нижнем – промышленные предприятия, в основе работы которых лежит не прибыль, а количественные показатели производства; на среднем уровне – бизнес-ассоциации, которые объединяли предприятия отрасли и могли действовать как особые агентства при правительстве; и на третьем верхнем уровне – само государство. Таким образом, двигателем экономики должны были стать не рыночные механизмы и цены, а командные методы «сверху-вниз», основанные на количественных показателях[90].

Итак, в 1937 году был образован Совет Планирования, целью которого стало планирование и управление «*скоординированными действиями правительства для расширения [экономической] деятельности во время войны и мира*». Основной миссией созданного государственного органа стало формулирование планов и координация мобилизации капитала, торговли и трудовых ресурсов в целях общего расширения промышленного производства. Чиновники открыто заявляли, что «свободнорыночная» экономика показала свою неэффективность во время Депрессии 1930-х годов на фоне быстрого экономического развития Советской пла-

---

[86] Werner, R. Princes of the Yen: Japan's Central Bankers and the Transformation of the Economy. M. E. Sharp, 2003. C. 2.

[87] Nakamura и Odaka, 2003. C. 110.

[88] Okazaki и Okuno-Fujiwara, 1999. C. 3.

[89] Teranishi, 2002. C. 64.

[90] Okazaki и Okuno-Fujiwara, 1999. C. 24.

новой экономики. Эту идею, главным образом, поддерживали государственные чиновники, младшие и средние офицеры в армии, и даже некоторые представители частного бизнес-сектора, которые были разочарованы в западном капитализме. Кроме того, хорошие результаты показывало правительство японской автономной территории Маньчжоу-Го, которая экспериментально управлялась на принципах плановой экономики фактически военными чиновниками.

В декабре 1940 года был принят Меморандум об образовании новой экономической системы («*Кейзай Шинтайсей Йоко*»), который закрепил положение о необходимости централизованного распределения ресурсов под управлением Совета Планирования, а в феврале 1942 года был изменен Закон о Банке Японии, в соответствии с которым японский центральный банк отныне должен был полностью подчиняться единой государственной политике[91], перейдя под контроль правительства, а не вести свою «независимую» монетарную политику.

С началом войны с США в Японии также было создано Министерство снабжения, миссией которого стало надлежащее распределение ресурсов в целях расширения производства военного снаряжения и боеприпасов. Для этого государство считало важным существенное переформатирование индустриальной организации экономики через ассоциации второго уровня. Например, когда правительство отбирало предприятия для производства нужных товаров, то в таком предприятии назначался ответственный управленец, через которого шла постоянная координация с правительством о выделении средств, управлении производством и человеческими ресурсами.

Особую роль сыграли государственные предприятия, которые назывались «компаниями национальной политики» (*кокусакугайша*). Некоторые из них были производственными, например Nihon Seitetsu (сталь) и Nihon Hassoden (электричество), однако многие из них были инвестиционными и холдинговыми, владея акциями частных компаний в стратегически важных отраслях экономики. Высшее управление таких компаний назначалось государством, а главными принципами их работы было не стремление к прибыльности, а количественные показатели и стратегические цели развития[92].

Отдельно разрабатывался План мобилизации материалов, в соответствии с которым план поставок сырья для производства рассчитывался на основе плана по внешней торговле, строительство заводов рассчитывалось на основе плана по расширению производственных мощностей, а мобилизация человеческих ресурсов на основе плана по мобилизации труда. Основные функции Плана мобилизации материалов были почти идентичны советской системе межотраслевого баланса. Совет Планирования стремился к тому, чтобы все планы координировались друг с другом «аналогично Госплану в Советском Союзе»[93].

И, как отмечают исследователи, после войны для быстрого восстановления экономики Японии пригодились именно все эти довоенные реформы. Вернер писал:

> *«Утверждение о том, что даже послевоенная экономика Японии работала по принципам военного времени не было метафорическим, она буквально работала так. Японская послевоенная экономика была полностью мобилизационной экономикой, сменилась просто продукция – с боеприпасов на потребительские товары»*[94].

Вернер также отмечал, что если в Германии многие чиновники после войны были осуждены, то в Японии была несколько иная картина. Многие из чиновников военного времени в Японии остались на своих местах и продолжали работать, все так же активно осуществляя

[91] Teranishi, 2002. С. 65.

[92] Teranishi, 2002. С. 63.

[93] Okazaki и Okuno-Fujiwara, 1999. С. 19.

[94] Werner, 2003. С. 9.

важное государственное вмешательство в экономику, даже несмотря на давление со стороны оккупационных властей США. Японские чиновники продолжали поддерживать институциональную структуру японской системы государственного управления, но уже под другими – невоенными задачами[95].

Оккупационные власти США хорошо понимали, что для быстрого восстановления экономики Японии и включения ее в ряды своих антикоммунистических союзников необходимо позволить японским политикам и чиновникам использовать прежние методы управления, какими бы они нерыночными и антикапиталистическими не казались. В результате, 42 бывших высших чиновника Министерства снабжения снова заняли ключевые должности в реорганизованных государственных органах, занимавшихся экономическим планированием и распределением ресурсов[96]. Причем эти чиновники, униженные проигрышем в войне, были решимы еще раз показать миру, что значит Япония.

Глава Министерства снабжения – один из ключевых руководителей и организаторов экономики Японии военного времени – Нобосуке Киши стал впоследствии премьер-министром и одним из самых влиятельных политиков страны. Его брат Эйсаку Сато, также впоследствии ставший премьер-министром Японии, в военное время отвечал за снабжение в железнодорожной системе страны. Далее, позднее ставший тоже премьер-министром страны Ясухиро Накасоне в военное время был высшим чиновником Министерства внутренних дел, которое было активно вовлечено в управление мобилизационной экономикой страны. Ну и множество других чиновников рангом пониже, которые так же работали в системе государственного управления Японии военного времени, остались на своих местах и продолжили работу теми же методами.

Из одиннадцати крупных автопроизводителей послевоенной Японии, наверное, только Honda появилась после войны. Все остальные, включая Toyota, Nissan и Isuzu, в военное время были важными производителями грузовиков и иной продукции военного и полувоенного назначения. И таких компаний было множество[97].

Сама политическая система, называемая «Системой 1955 года» с единственной Либерально-Демократической партией во главе, была фактически продолжением управленческой системы Японии военного времени. В 1940 году была создана Ассоциации Помощи Императорской Власти, целью которой стало объединение всех политических сил и частей японской власти в единую силу для повышения эффективности управления страной в военное время, о чем подробно написал японский историк Юкио Ногучи, назвав эту ассоциацию «системой 1940 года».

Таким образом, система управления экономикой страны в послевоенный период не просто осталась во многом прежней, а даже при тех же методах стала функционировать еще более эффективней. Сначала, например, в военные годы японским властям удалось эффективнее минимизировать тесные связи конгломератов зайбацу, а крупных частных акционеров вообще убрать из управления компаниями. Политика максимизации производства в мобилизационных целях требовала устранения влияния частного капитала, который интересовали только быстрые прибыли. В военное время управление должно были перейти в руки государственников, связанных с задачами правительства страны, настроенных на цели увеличения производительности без какого-либо вывода средств и ресурсов промышленных предприятий.

Затем же, в послевоенное время, те же государственники, воспользовавшись оккупационной политикой США по ликвидации крупных конгломератов зайбацу как важных виновников экспансионистской политики Японии, смогли эффективнее расформировать зайбацу

[95] Там же. С. 2—3.

[96] Carpenter, 2015. С. 42.

[97] Werner, 2003. С. 26.

и устранить богатые семьи от управления крупными предприятиями страны. При этом сами предприятия продолжили функционировать, но уже с иными целями – быстрого восстановления экономики страны на принципах долгосрочного стратегического развития производственной базы, а не в погоне за быстрыми прибылями.

Постепенно, вместо старых зайбацу появились новые бизнес-группы «*кейрецу*», организованные на несколько иных принципах корпоративного управления. Теперь компании группировались не вокруг центрального холдинга, как это было раньше, а стали объединяться через перекрестное владение акциями друг друга. Таким способом было снято сильное влияние каких-то отдельных крупных акционеров и внедрена модель распределенного влияния, влияния через советы директоров. Появилась модель некоего «капитализма без капиталистов». Подробнее о модели и функционировании кейрецу будет изложено в следующей части книги.

Между тем, политика ускоренной индустриализации как военного времени, так и послевоенного, привели к переформатированию экономики. Произошел резкий переход ориентации экономики с легкой, особенно текстильной, на тяжелую промышленность, где важнейшая роль теперь отводилась сталелитейной и химической отраслям. Если до 1930 года в Японии было всего около десятка технических школ, то к 1945 году их стало насчитываться более четырех сотен. Это стало результатом потребности военной инфраструктуры на специалистов-выпускников технических и инженерных школ, на которых, кстати, не распространялся призыв на военную службу. К началу 1950-х годов количество студентов инженерных направлений в Японии увеличилось втрое по сравнению с довоенным периодом[98]. Впоследствии это очень позитивно повлияло на развитие новой промышленности Японии.

Отсутствие потребности производить военную продукцию, большое количество инженеров и технических специалистов, а также новая стимулирующая политика нового правительства привели к появлению новых производственных отраслей. Прежние заводы по производству пулеметов стали производить швейные машинки, производители оптического оружия стали делать бинокли и фотоаппараты, и так многие другие. Изменилась лишь продукция с военной на потребительскую, в остальном многое осталось прежним. Прежней осталась даже дисциплина на работе с общими утренними физическими упражнениями для работников компаний[99]. Работники вели себя как солдаты, менеджеры как офицеры, а правительственные чиновники из Министерства внешней торговли и промышленности, Министерства финансов и Банка Японии как высший генералитет из главного штаба. Всеобщая война Японии продолжилась, но на этот раз за завоевание экономических высот. На этот раз стратегической экономической целью стало увеличение экспортных показателей.

Идеи меркантилизма со стремлением максимизировать экспорт и минимизировать импорт, которые сыграли свою важную роль и в предыдущую эпоху бурного развития индустриализации при императоре Мэйдзи, были актуальными и теперь. Опыт Корейской войны снова демонстрировал, что Япония может ускоренно развиваться, главным образом, за счет роста экспорта, причем не какой-либо сельскохозяйственной продукции, а желательно промышленно-технологической. И теперь этой цели была подчинена вся государственная машина – от «высшего генералитета» в лице министерств и до рядового «солдата» в лице работника каждого завода и фабрики в стране.

Чтобы стимулировать экспорт, в декабре 1950 года правительство учредило Экспортно-Импортный Банк Японии, который должен был предоставлять финансирование для промышленных производств, ориентированных на экспорт в долгосрочной основе. В апреле 1951 года был учрежден еще один банк – Банк Развития Японии, который должен был предоставлять капитал для строительства заводов и приобретения важного технологического обо-

[98] Werner, 2003. С. 31.

[99] Werner, 2003. С. 32.

рудования. Эти два финансовых института в начале 1950-х годов дали старт большой государственной кампании по развитию фундаментальных отраслей промышленности Японии: угольной, сталелитейной, энергетической и судостроительной. В 1952 году эти четыре отрасли привлекли 44% от всех инвестиций, направленных на постройку заводов и приобретения заводского оборудования[100].

Судостроение

Еще со времен эпохи Мэйдзи судостроение считалось в Японии стратегически важной отраслью. Будучи островным государством, для развития внешней торговли Япония нуждалась в стабильных морских грузоперевозках – для импорта сырья для индустриализации и экспорта готовой продукции за рубеж. Помимо этого, у японцев был некоторый комплекс: из-за политики изоляционизма в эпоху Эдо страна сильно отстала в производстве современных кораблей и для того, чтобы реализовать свою цель превращения в мощную военную державу Япония должна была развить собственную технологичную судостроительную промышленность, не уступающую западной. Поэтому одной из самых важных отраслей, которую японцы хотели развить в первую очередь в эпоху Мэйдзи, стала судостроительная.

Кроме того, японцы уже тогда хорошо понимали, что развитие этой промышленности влечет за собой большой мультипликативный эффект: для развития судостроительной индустрии важно развивать металлургию и угольную промышленность, вместе эти отрасли уже технологичны и требуют развития инженерных знаний, они создают множество рабочих мест и, в целом, дают хороший импульс для развития экономики.

Очень примечательно, что в эпоху Мэйдзи, применив германский путь ускоренного развития технологичной промышленности, японцы уже к 1905 году смогли построить сильный современный флот и одержать победу в Русско-Японской войне во многом благодаря быстрому развитию своей судостроительной отрасли и металлургии.

Также и во время Второй мировой войны, стремясь построить свой торговый макрорегион в Юго-Восточной Азии, Япония делала ставку на развитие во многом морской экономики: импортировать сырье и экспортировать готовую продукцию морем. Для этого стране требовался мощный флот, причем как торговый, так и военный. И японцы, активно используя подход государственного стимулирования и управления экономикой, смогли в предвоенные годы построить мощную судостроительную промышленность, ориентируя ее в военные годы для военных целей. Наверное, лучшей иллюстрацией уровня развития японского кораблестроения являются «Ямато» и «Мусаши» – два самых крупных и тяжеловооруженных линкора когда-либо построенных в мире.

[100] Packer, 2002. С. 146.

Модель линкора «Ямато» в Морском музее в Куре, масштаб 1:10. Фотография с сайта Asahi Shimbun

«Ямато» был построен на крупнейшей судоверфи Японского Императорского флота в городе Куре, а «Мусаши» на верфи судостроительной компании Mitsubishi в городе Нагасаки в 1937—42 годах. В тот же период был заложен и третий линкор «Синано» этого же типа «Ямато», однако впоследствии он был переделан в крупнейший в мире авианосец того времени. Вообще, к началу войны Япония обладала 9 авианосцами, хотя у США, например, было 7 авианосцев, что также является хорошей иллюстрацией мощи японской судостроительной промышленности.

Тем не менее, в результате войны практически все крупные судоверфи Японии были разрушены американскими бомбардировками, и Японии необходимо было начинать сначала. Надо было не просто восстанавливать свою разрушенную судостроительную промышленность, а начинать строить новые верфи, с новым оборудованием и новыми технологиями. И здесь им помогли, как это ни парадоксально, американские компании.

Как известно, американская судостроительная промышленность в результате Второй мировой войны стала самой мощной и развитой в мире. Одной из причин такого развития стала необходимость перевозить из США в Великобританию и другие воюющие страны военную технику, продовольственную и иную продукцию по лэнд-лизу[101]. Десятки американских грузовых кораблей, наполненных разными товарами, почти ежедневно пересекали Атлантический океан в сопровождении военных кораблей. Главной же проблемой лэнд-лиза стали «волчьи стаи» Дёница – объединенные в организованные группы подводные лодки германского флота под управлением адмирала Дёница, которые с высокой эффективностью топили американские корабли, перевозившие товары по лэнд-лизу через Атлантику. Всего было потоплено, по разным оценкам, около 25—30% от всех задействованых в лэнд-лизе американских кораблей.

[101] Общая стоимость предоставленной США по лэнд-лизу помощи оценивается примерно в 50 миллиардов долларов, из которых 31,4 миллиарда было получено Великобританией, 11,3 миллиарда СССР, а остальные 7,3 миллиарда получили Австралия, Новая Зеландия, «Силы Свободной Франции» и Китай.

Таким образом, высокое число потерь своих кораблей заставило американцев применить стратегию ускоренного строительства новых кораблей достаточно приемлемого качества, что в итоге позволило им строить быстрее, чем немцы могли потопить.

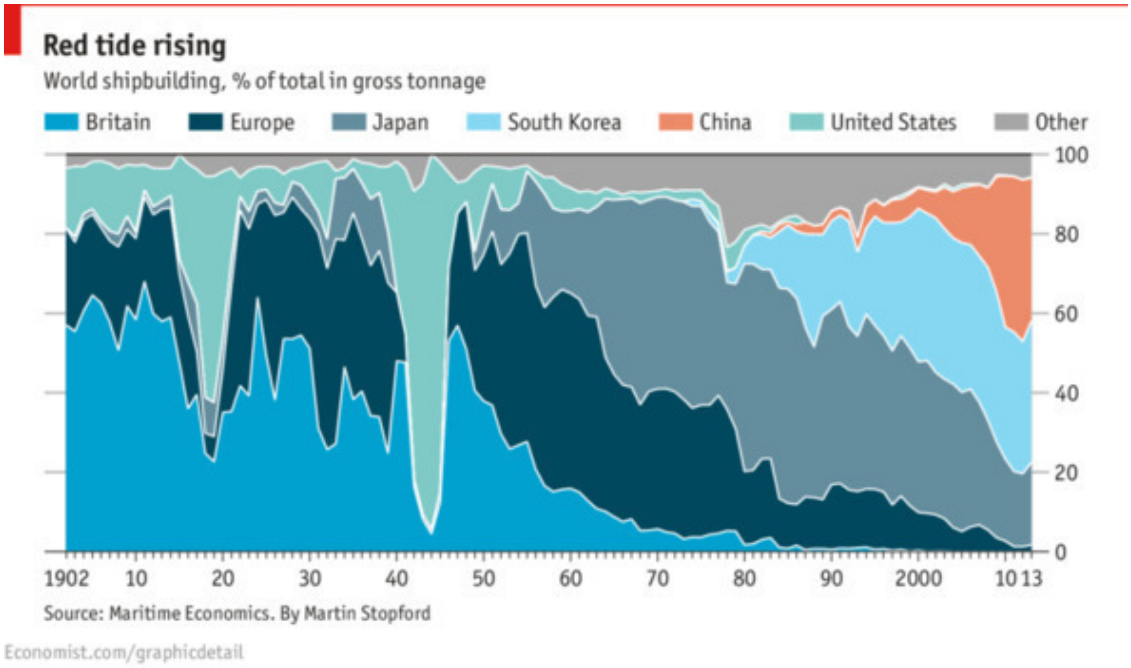
Отдельным феноменом в этом контексте стало торговое судно класса «Либерти», которое стало самым распространенным типом торговых судов, строившихся массово для перевозки грузов по лэнд-лизу. Всего было построено свыше 2750 кораблей этого класса[102], причем в силу высоких рисков их потопления немецкими подводными лодками, их конструкция была предельно упрощена и удешевлена ради быстроты строительства. В 1943 году корабли «Либерти» строились на 18 верфях США почти по одному и тому же проекту, и общая скорость постройки достигла трех кораблей в день. Рекорд в скорости постройки был поставлен в ноябре 1942 года, когда судно «SS Robert Peary» было построено всего за 4 дня, 15 часов и 29 минут от начала закладки и до спуска на воду. Этому судну повезло – оно пережило войну и прослужило до 1963 года.

Одним из главных судостроителей, выполнявших государственные заказы правительства США по постройке кораблей класса «Либерти» был американский промышленник Генри Кайзер, чья методология строительства и организации производства потом и перешла к японцам. Управляющий Кайзера по имени Элмер Ханн после войны перебазировался в Японию в составе компании National Bulk Carriers, и выбрал судоверфь в городе Куре, где был построен линкор «Ямато», в качестве новой базы для строительства крупных грузовых судов для своей компании. Американским промышленникам послевоенная Япония казалась очень привлекательной для ведения бизнеса, так как уровень зарплат в стране был очень низок, при этом специалистов было достаточно, и имелась хорошая промышленно-технологическая база для судостроения. К 1960 году компания построила 31 корабль на верфи в Куре, включая первые в мире 100000-тонные нефтяные танкеры[103].

Таким образом, методы и ноу-хау ведущих американских судостроительных компаний были сразу же переняты сначала в Куре, а затем и по всей Японии. Кроме того, важно отметить, что основные соперники Японии по судостроению – США и Великобритания – все еще использовали прежнее оборудование еще с довоенных лет. В Японию же американские инвесторы завезли для своих нужд обновленное оборудование и новые технологии, которые за время войны существенно продвинулись вперед. Это позволило Японии получить конкурентные преимущества и начать учиться и производить новые корабли на новых технологиях, более усовершенствованными методами, быстрее и качественнее.

[102] На втором и третьем месте по распространенности стали танкер класса «T2» и корабль класса «Victory». Их было построено 563 и 524 кораблей соответственно.

[103] Shields, J. The Invisible Billionaire: Daniel Ludwig. Houghton, 1986.

Мировое судостроение в XX веке, в % от общего тоннажа. Источник: Stopford, Maritime Economics, 2009

Мартин Стопфорд в своей книге о морской экономике (рисунок выше) демонстрирует, что примерно с 1940 по 1945 годы американское судостроение в тоннаже занимало 90—95% от всего мирового судостроения. И это не удивительно, учитывая скорость постройки грузовых кораблей, как описано выше. И по рисунку же видно, что после 1950 года американское судостроение стало сильно «сдуваться» и уступать европейскому, а затем с 1955 года японскому судостроению, которое до начала XXI века прочно удерживало почти 50% мирового судостроения по тоннажу.

Таким образом, одной из главных причин мощного развития судостроения в послевоенной Японии стала помощь американцев, что позволило впоследствии японцам вытеснить с рынка самих же американцев. Американские же промышленники, перенося свои производства в Азию, мотивировались, главным образом, целями сокращения издержек в силу низких здесь зарплат. Кроме того, Стопфорд отмечает, что американское судостроение было коммерчески неконкурентоспособным. В военные годы 30—50% стоимости кораблей покрывалось за счет субсидий американского правительства[104]. Это стимулировало частных американских судостроителей во время войны, но делало их бизнес невыгодным по ее окончании. Поэтому неудивительно, что National Bulk Carriers стали усиленно искать новое пристанище для своей новой базы в Японии.

Элмер Ханн за свои заслуги перед Японией, а именно за передачу знаний и ноу-хау в судостроении, впоследствии получил награду от самого императора Японии[105] – настолько высоко были оценены эти знания для экономики страны. Вместе с Элмером Ханном такую же награду получили: промышленник Генри Кайзер, американский профессор Эдвард Деминг и единственный японец Хисаши Шинто, который стал «учеником, превзошедшим своего учителя» Ханна. Впитав максимум знаний о новых методах судостроения, Хисаши Шинто стал

[104] Stopford, M. Maritime Economics, 2009. C. 621.

[105] Chirillo, L.D. и Chirillo, R.D. «The History of Modern Shipbuilding Methods: the US-Japan Interchange». Journal of Ship Production. Vol. 1, No. 1, Feb. 1985.

главным инженером в компании National Bulk Carriers в Куре, а впоследствии стал считаться чуть ли не «отцом нового японского кораблестроения»[106].

Однако самым интересным в этом ряду, наверное, является имя Эдварда Деминга, который в Японии считается легендарным человеком эпохи экономического чуда. Будучи профессором статистики Нью-Йорского университета, доктор Эдвард Деминг сделал, по мнению самих японцев, огромный вклад в развитие экономики и бизнеса Японии в начале 1950-х годов, причем в самой Америке его так и недооценили.

Очевидно, что японская продукция конца 1940-х годов была достаточно низкого качества, в силу нескольких разных факторов, включая недоинвестированность компаний (денежно-кредитное ужесточение Доджа). В этой связи, а также учитывая новое устремление властей максимизировать экспорт, Союз японских ученых и инженеров определил, что спасением для экономики страны должны стать статистические методы контроля, с помощью которых можно будет повысить качество выпускаемой продукции, однако без потерь в производительности (в количестве). Изучив вопрос, японцы остановились на профессоре Деминге, который уже посещал Японию в 1947 году в качестве консультанта Оккупационных сил США.

Японский Союз ученых и инженеров пригласил Деминга к сотрудничеству, и в 1950 году Деминг провел первые 35 занятий для инженеров и топ-менеджеров японских промышленных предприятий, подробно рассказав им о важности научно-статистического подхода для контролирования процессов производства. Для японцев, которые традиционно уделяли большое внимание процессу постоянного совершенствования и непрерывного улучшения (впоследствии названного «кайдзеном»), эта теория «легла» очень кстати, и японские промышленники немедленно взяли новую методику на вооружение для использования в своих практических экспериментах. До 1981 года Деминг совершил всего 19 поездок в Японию по приглашению разных компаний, и распространил свою методику сразу в нескольких важных отраслях промышленности. Что же касается судостроительной отрасли, то в одном из выпусков 1967 года журнала «Технический прогресс в судостроении и инжиниринге» была отметка о том, что методика статистического контроля качества Деминга произвела «эпохальный переворот» в улучшении качества и заложила основы современных методов судостроения, позволив широко развить автоматизированные методы работы с материалами[107].

Стоит отметить, что настоящее лидерство в судостроении пришло к Японии после Суэцкого кризиса 1956 года, когда в результате арабо-израильского конфликта был закрыт Суэцкий канал, и американские и европейские нефтяные танкеры были вынуждены идти обходным путем вокруг Африки. Это обстоятельство, сделавшее малоразмерные танкеры невыгодными, сразу повысило интерес и спрос к новым японским большеразмерным танкерам, способным перевозить гораздо больше нефти и получившим, таким образом, большое преимущество. Спрос на японские корабли возрос, и судостроение превратилось в важнейший двигатель японской промышленности и экономики.

Вообще, имея стратегическую важность для импорта и экспорта Японии, кораблестроение получило статус приоритетной отрасли еще в 1947 году, когда была принята Программа планового кораблестроения, когда правительство Японии обеспечивало закупку до 85% всех построенных кораблей между 1948 и 1954 годами. Специально сформированный для поддержки приоритетных отраслей Японский Банк Развития выделял дешевые и долгосрочные кредиты не только строителям кораблей, но и внутренним покупателям этих кораблей, таким образом, существенно стимулируя отрасль. К 1956 году отрасль успела подготовиться и наработать важный опыт для становления мировым лидером.

---

[106] Там же.

[107] Chirillo и Chirillo, 1985.

Металлургия

В силу важнейшей роли металлургии в индустриализации страны, экономические власти Японии всегда уделяли первостепенное значение развитию этой отрасли и старались привлечь сюда самые передовые технологии. Например, по окончанию Китайско-Японской войны 1895 года японское правительство рекомендовало своим предпринимателям организовать в стране крупные металлургические производства. Однако многие попытки остались безуспешными, так как такие производства требовали крупных капитальных вложений, при этом технологические барьеры были очень высокими – не каждый предприниматель мог осилить такое мощное производство. Например, зайбацу Sumitomo в тот момент так и не смогло реализовать такой проект[108]. Именно поэтому государственники были уверены, что для достижения необходимого уровня металлургического производства в короткие сроки нужен государственный подход. В 1901 году была основана государственная компания Yawata, которая к 1914 году производила 74% всего железа в Японии и 81% всей стальной продукции[109]. Впоследствии компанию отдали в «частные руки».

В начале же 1950-х годов Японии все-таки удалось достичь технологического лидерства в сталелитейной отрасли, благодаря двум факторам. Когда в 1952 году австрийская компания VOEST AG впервые начала производить сталь при помощи нового кислородно-конвертерного метода, то японцы сразу же постарались овладеть этой новой технологией и начали экспериментировать. Новый метод позволял существенно повысить эффективность производства за счет использования чистого кислорода вместо обычного воздуха, как это делалось раньше. Вторым важным фактором стало также экспериментирование с новой технологией непрерывного литья, что уменьшило время всего производственного процесса и так же увеличило его эффективность. Хотя эта технология и была изобретена в США, тем не менее, именно японцы смогли быстрее освоить и усовершенствовать эту технологию в начале 1950-х годов. Главным фактором успеха японцев стал их управленческий подход, который заключался в постоянном экспериментировании и улучшении процессов, а также вышеупомянутых методах статистического контроля качества.

Если сравнивать японские сталелитейные предприятия с американскими, то можно отметить один важный момент. В послевоенные годы американские производители были доминирующими в мире уже крупными устоявшимися компаниями, и не испытывали давлеющей потребности проводить какие-либо рискованные эксперименты с непонятными новыми методами. Японские же производители напротив – мотивированные, как было упомянуто выше, чуть ли не военными целями по ускоренному повышению производительности для увеличения экспорта, были готовы брать на себя риски и экспериментировать с новыми методами и технологиями. К тому же, новая технология обещала быть намного эффективней и экономней, что было очень важно японцам для получения стратегических преимуществ.

Однако главную роль в превращении Японии в глобального игрока в металлургической отрасли сыграло, безусловно, государство.

Учитывая нехватку железорудного сырья в стране, государство в 1963 году учредило специальное агентство, которое должно было заняться разведкой и организацией добычи железорудного сырья сначала внутри страны, а затем и за рубежом[110]. При министерстве промышленности действовал также Совет по железу и стали, который собирался каждый понедельник для обсуждения новостей о состоянии мировых рынков и необходимой стратегии Японии в новых условиях[111].

---

[108] Shin, 1996. С. 90.

[109] Там же. С. 91.

[110] Vernon, 1983. С. 98.

[111] Johnson, 1984, С. 18.

В середине 1960-х годов государство активно занялось оптимизацией индустриальной организации своей металлургической отрасли. Это было важно как для устранения излишней конкуренции, которая порождала «бизнес-каннибализм», так и для завоевания важных позиций на глобальном рынке. Для этого в 1968 году государство простимулировало слияние двух крупных предприятий – Yawata и Fuji, которые стали единой крупнейшей сталелитейной корпорацией Японии Nippon Steel. Политикой государства стало взращивание своих крупных компаний, которые могли стать серьезными игроками на глобальном рынке, где соперничали бы с уже устоявшимися западными корпорациями, отстаивая интересы Японии. Впоследствии Nippon Steel стал главным организатором закупок железной руды и угля в Австралии для нужд японской металлургической промышленности.

Взращивая собственные крупные корпорации для превращения их в серьезных глобальных игроков, государство использовало разные методы, начиная от денежно-кредитного стимулирования и заканчивая политической помощью в проникновении на другие рынки. Так, в 1969 году Япония начала финансировать строительство крупного металлургического гиганта в Южной Корее – государственной корпорации Pohang Steel, хотя проект считался «экономически нерентабельным» со стороны целого международного консорциума, где были компании из США, Великобритании, Франции, ФРГ и Италии. Япония выделила 73,7 миллионов долларов США в качестве государственных грантов и займов, а также дополнительно еще около 30 миллионов кредитами. Техническую поддержку проекту оказывали японские Nippon Steel, Nihon Kohon, а также Mitsubishi Heavy Industries[112].

К началу 1970-х годов японские корпорации уже стали активно инвестировать в добычу полезных ископаемых в Канаде, Индонезии, Малайзии, Заире, Перу, Чили и других странах, при политической и финансовой поддержке правительства Японии. В 1973 году специализированный Фонд гарантий зарубежного развития Японии имел бюджет в 95 миллионов долларов. В итоге, к концу 1970-х годов Японии принадлежали 75% всего экспорта железной руды и меди из Австралии, 75% экспорта железной руды из Индии и около 33% экспорта руды из Бразилии[113].

Вся эта стимулирующая политика государства, а также решимость японских компаний экспериментировать с новыми методами и технологиями позволили Японии построить мощную металлургическую индустрию, а в 1973 году стать крупнейшим в мире экспортером стали.

Государственные корпорации

В 1953 году в Японии была запущена Программа фискальных инвестиционных займов (Fiscal Investment Loan Program, ПФИЗ), целью которой стало обновление инфраструктуры, а также инвестирование в иные долгосрочные важные экономические проекты государственного значения. Инвестиции для ПФИЗ изыскивались не из государственного бюджета, а из прочих источников, и постепенно Программа стала настолько значимой и масштабной, что ее стали называть «вторым государственным бюджетом страны». Одним из главных источников финансирования стала система почтовых сбережений Японии, где, например, в 1999 году накопилось около 260 триллионов йен[114].

Основным инструментом реализации программ ПФИЗ стали государственные корпорации, в частности, два государственных банка: Экспортно-Импортный Банк Японии и Японский Банк Развития, а также два типа государственных корпораций: Специальные корпорации (*токушугайша*) и Корпорации с особым статусом (*токушухоудзин*). Почти каждая такая корпорация имела свой собственный мандат, установленный особым законом или иным нор-

[112] Castley, 1997. С. 88.

[113] Vernon, 1983. С. 99—100.

[114] Подробнее о почтовой службе Японии в разделе 2.3.2 ниже.

мативно-правовым документом, и основным предназначением этих корпораций стала реализация государственной политики в той или иной отрасли с соблюдением государственных интересов. Позднее, именно эту модель успешно взял на вооружение Сингапур, где именно государственные корпорации, называемые «Statutory Boards» («законные советы» или «советы, созданные в соответствии с законом») сыграли главную роль в экономическом развитии страны.

Вообще, государственные корпорации уже начали создаваться в Японии еще в 1947 году при различных министерствах, причем с одобрения американских оккупационных властей[115]. В частности, одними из первых стали Специальные корпорации, которые стали управлять инфраструктурным строительством, строительством жилья, ипотекой, страхованием, а также выдачей займов малым и средним предприятиям[116]. К 1990 году в Японии было уже свыше сотни таких государственных Специальных корпораций.

Каждая Специальная корпорация работала в координации со своим отраслевым министерством. Например, Министерство строительства к 1955 году уже имело 26 своих Специальных корпораций, а в результате бурного экономического развития Японии в 1960-е годы количество корпораций при Министерстве строительства выросло до 144[117].

Самой крупной Специальной корпорацией при Министерстве строительства стала Японская Корпорация по Магистральным Дорогам, которая была учреждена в 1956 году для развития сети магистральных дорог по всей стране. Количество работников этой корпорации достигало 700, а количество подразделений свыше 60. В 1959 году Министерство строительства учредило Корпорацию Hanshin Expressway для соединения высокоскоростной автомагистралью городов Осака и Кобе, а в 1962 году Корпорацию Metropolitan Expressway для развития городских автомагистралей. Еще в 1950 году Министерство строительства учредило Правительственную Корпорацию Ипотечного Жилья для выдачи займов на строительство и приобретение жилья, что было важной необходимостью в послевоенный период. В результате этого до 30% всех домов в послевоенные годы было построено при финансовой поддержке этой государственной корпорации. Однако активную деятельность эта корпорация вела не только в послевоенные годы. В 2001 году ее займы на приобретение жилья составили 27% от всех займов в стране, причем период возврата составлял до 35 лет[118].

Так как Япония импортировала огромные объемы энергоресурсов в годы бурного экономического развития, в 1967 году для надлежащего управления импортом и его распределением была создана Японская Национальная Нефтяная Корпорация, которая помогала своим частным нефтяным компаниям проводить геологоразведку и бурение, привлекая для этого государственные же научно-исследовательские институты[119].

К середине 1970-х годов, когда Япония стала третьей крупнейшей экономикой в мире, многие стали считать, что стране больше не нужны государственные корпорации, что пора их распускать. Однако японцы смогли отстоять свои интересы и защитить свои государственные корпорации, которые, по их мнению, играли важную политэкономическую роль в балансировании общественных и частных интересов в экономике страны, так как к тому времени очень усилились частные крупные корпорации и их объединения кейрецу.

---

[115] Здесь пригодился опыт США с государственной Корпорацией по Финансированию Восстановления (RFC), которая сыграла важную роль в восстановлении страны после Великой депрессии.

[116] Carpenter, 2015.

[117] Там же.

[118] Carpenter, 2015. С. 193.

[119] Там же. С. 51.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.